

Πάσης ἡ ψυχῆς, ἕτα
πομπῆς αὐτοῦ σμῆρτι,
ἡ βίωσιν ἐν τρεῖσιν
λεσχάσιν, πρὸ ὠβραῶν
βοῆς ἐξ ἀνδρῶν
ἡμῶν κραστῶν.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

СЕМЬ СЛОВ
О ЗАУПОКОЙНОЙ МОЛИТВЕ

Священник
Максим Вараев

никея

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-219-1658

Художник
Елена Черкасова

ISBN 978-5-91761-245-4

© Издательство «Никея», 2014

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

СЕМЬ СЛОВ
О ЗАУПОКОЙНОЙ МОЛИТВЕ

**Священник
Максим Вараев**

МОСКВА • «НИКЕЯ» • 2014

*Благословен Властный
Адама воззвать и возвратитъ его в Рай.*

Прп. Ефрем Сирин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Несколько общих рассуждений	15
Да минует Меня чаша сия... ..	25
Просите, и дастся вам... ..	37
Изменение ума	47
Да будут едино, якоже и Мы... ..	61
Жизнь с избытком	83
Смертию смерть поправ	99
Приложение	115

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я давно не держал в руках такой глубокой и ясной книги о таинстве смерти. На эту тему, к сожалению, написано очень мало, хотя мысль о смерти, о нашем посмертном существовании, о состоянии души после ее исхода заботит ум всякого человека, и верующего, и неверующего.

Гадательно, как сквозь тусклое стекло, мы предчувствуем, как существует душа после разлучения с телом. Лишь отдельные фрагменты Священного Писания говорят нам о загробной участи человека, при этом некоторые тексты остаются не вполне ясными. Есть в Евангелии рассказ о богаче и Лазаре (см.: Лк. 16:19–31). Мы понимаем, что речь идет о посмертном существовании до всеобщего воскресения из мертвых. Но как описать это состояние другим, не притчевым, языком? Распятый Христос сходит во ад, туда, где пребывают души усопших (см.: Мф. 12:40; 1 Пет. 3:19–20). Но где сейчас эти души – мы не знаем. Нам известно только, что души праведников в руке Божьей. А остальные? Как произошло разделение на праведников и грешников при схождении Спасителя во ад, если мы знаем, что ада больше нет, что у ада нет победы, у ада нет жала? В Евангелии от Матфея мы встречаем таинственное замечание, что тела многих святых воскресли: *И тут же разорвалась надвое завеса храма сверху донизу, и всколыхнулась земля, и раскололись камни, и откры-*

лись гробницы, и воскресло множество усопших святых, и, выйдя из гробниц своих после воскресения Его, они пришли в святой город и явились множеству людей (Мф. 27:51–53). Кто были эти воскресшие? Что стало с ними потом? Почему о них не сказано ничего, кроме этой маленькой фразы?..

Даже такое, казалось бы, популярное учение о мытарствах появляется в Церкви достаточно поздно, а в Священном Писании об этом ничего не сообщается. Христос, отвечая на молитву покаявшегося разбойника, говорит: *Ныне же будешь со Мной в раю* (Лк. 23:43). Ни о каких мытарствах души после смерти речи не идет. Эта фраза таит в себе загадку: Христос воскресает только на третий день, в момент смерти разбойника рая еще нет.

Размышляя о посмертном существовании человеческой души, мы можем опираться не только на Священное Писание, но и на наше богослужение. Когда отец Максим Вараев разбирает богослужебные тексты, он не просто рассуждает о смысле этих прекрасных и возвышенных молитв. В изящной форме, легким слогом он раскрывает богословие человеческой смерти, упование на Бога, тоску человеческой души, разлучающейся с телом. Отец Максим пользуется замечательными примерами, которые очень образно раскрывают учение о вечной жизни даже для далекого от Церкви человека.

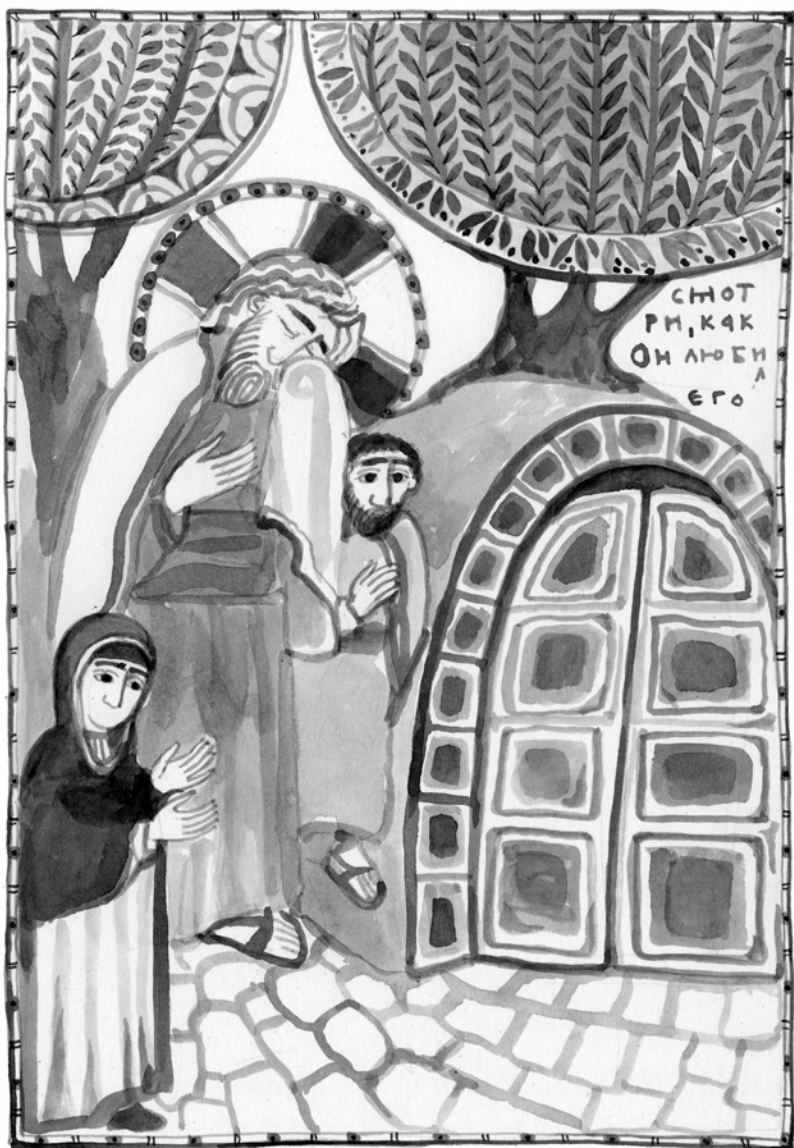
Знание текстов Иоанна Дамаскина, стихир и молитв погребального чина (они приведены в конце книги с русским переводом) раскрывает для нас наше собственное недоумение перед смертью: каким образом человеческое сердце может «дотянуться» до тех, с кем уже нельзя поговорить, кого невозможно осязать, кого больше не получится прижать к себе, но о ком мы знаем, что они

живы? Ведь у нас нет учения о смерти — у нас есть учение о жизни. И во Христе нет смерти — во Христе есть только жизнь. Эта книга принесет огромную пользу и утешение каждому человеку — и тому, кто уже оплакал своих усопших, и тому, кто еще не осознал, что такое смерть.

Такое глубокое аскетическое понятие, как память смертная, нам практически не присуще. У человека нет опыта смерти, он не может представить себя умершим, и потому думать о смерти для него неестественно: он все время отодвигает от себя эту мысль. Иногда нам кажется, что самое главное — это создание семьи, рождение детей, устройство на работу... В жизни много важного, но все же самое важное для человека — это минуты его смерти. Он движется к ней всю свою жизнь, она является для него подведением итогов существования. Эта книга помогает каждому из нас приблизиться к опыту памяти смертной, к возможности предосмыслить наши последние минуты и тот момент, когда мы перейдем границу этой жизни.

Протоиерей Алексей Уминский

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ

СМОТ
РИ, КАК
ОН ЛЮБИТ
ЕГО

...КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ
ПРЕБЫВАЕТ В СОСТОЯНИИ ВНУТРЕННЕЙ
УБЕЖДЕННОСТИ, ЧТО ОН БЕССМЕРТЕН, ПОЭТОМУ
И СМЕРТЬ БЛИЖНЕГО ПЕРЕЖИВАЕТСЯ НАМИ КАК
ТРАГЕДИЯ, КАК ЗЛО, КАК ТО, ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО
БЫЛО БЫТЬ.

Заупокойная молитва является древнейшей неотъемлемой частью Предания Церкви. Существуют свидетельства о поминовении усопших уже в первые века христианства. Это вполне закономерно — ведь в основе практики молитвы за умерших лежит евангельская вера в то, что смерть как таковая не есть последнее слово жизни, что Бог Авраама, Исаака и Иакова — Бог живых, а не мертвых (см.: Мф. 22: 32). Более того, сама по себе молитва о ближнем — насущная потребность любого верующего человека, и православному христианину естественно молиться об отошедших в иной мир дорогих его сердцу людях, так же как и о тех, кто находится рядом с ним здесь и сейчас, в этой земной жизни. Поэтому заупокойное поминовение в молитвенной жизни человека свидетельствует о его здоровом, этически выверенном религиозном чувстве, в основе которого лежат такие константы христианской духовности, как доверие Богу, любовь к ближнему и вера в жизнь вечную.

Поминовение усопших в современной обиходной практике имеет различные формы. Большинство христиан хоронят своих родственников согласно церковным традициям, отпевая усопшего в храме. Заупокойные литии, панихиды и конечно же наиболее важное — евхаристическое — поминовение совершают

ся на наших приходах регулярно и для большинства являются чем-то само собой разумеющимся. Помимо того, в церковном году имеется несколько дней особого поминовения усопших. Также существует и практика домашней заупокойной молитвы, в частности чтение Псалтири по усопшему.

Но несмотря на столь широкую распространенность всех перечисленных форм поминовения, нужно признать, что для многих верующих молитва об умерших, в большинстве случаев являясь частью повседневности, принимает рутинный характер, становится некой формальностью. Острое переживание заупокойной молитвы обычно связано лишь с личной трагедией — потерей кого-либо из близких людей. Подобного рода потрясения в жизни человека случаются не часто, и, как показывает опыт, не всегда даже давно пребывающий в Церкви христианин имеет в себе мужество смиренно принять такую утрату, что искажает его восприятие смерти ближнего и, соответственно, делает для него затруднительным полноценное участие в церковной молитве об упокоении усопшего.

Мало кто отдает себе отчет в том, что смерть отдельного человека — это частный случай общечеловеческой драмы, отпадения творения от своего Творца как Источника Жизни. Серьезная мысль о смерти вызывает у современного человека чувство душевного беспокойства, а многие из наших прихожан ищут в Церкви лишь поверхностного психологического комфорта. Кстати говоря, этим и объясняется популярность среди православных всевозможных ритуальных инструкций, содержащих лишь подробный алгоритм внешних действий и лишающих верующего возможности в действительности

ти молитвенно преодолеть скорбь, разделив свою боль со Христом. Поэтому многие из нас зачастую вовсе гонят мысль о случившейся утрате, ища утешения в забвении, полагая, что время — лучший из докторов. Здесь молитва об упокоении ближнего, если она вообще присутствует, принимает форму выполнения религиозного долга перед усопшим и предельно механизирована, лишена всяческой глубины и трепета.

Смерть близкого — это всегда намек на конечность собственного земного пути, это всегда встреча с собственной смертью. Возможно, прав был Паскаль, когда говорил, что нам «легче перенести смерть, не думая о ней, чем мысль о смерти, даже не угрожающую нам». Заметим, что человек всегда старался отмахнуться от смерти, сделать ее как бы несуществующей. Так, еще античные философы-эпикурейцы говорили, что смерть — это не причина для беспокойства и не должно ее бояться: «пока мы существуем, нет смерти; когда есть смерть, нас более нет», но такая позиция несовместима с христианским мировоззрением.

Позицию эту, вероятно, следует признать неудовлетворительной еще и по следующей причине: страх перед смертью и рожденная этим страхом тревога зачастую составляют самую суть религиозного поиска человека, отправную его точку. Ведь вера в Бога без веры в вечную жизнь — нелепость, возможно, пригодная лишь для построения теоретической картины мира, и не более того. Недаром великий немецкий философ Иммануил Кант рассматривал вопрос о существовании Бога вкупе с вопросами о существовании свободы и бессмертия души. Неужели Всеблагий и Всемогущий Бог

сотворил человека лишь для этой временной, полной скорбей и невзгод жизни?

Стоит признать, что на определенной глубине своего существа каждый из нас имеет уверенность в своем бессмертии, и лишь наш жизненный опыт заставляет усомниться в этом. Поэтому в восприятии смерти есть элемент неожиданности, она всегда для нас внезапна. Бывает так, что человек обреченно болен, когда он сам и его близкие почти смирились с предстоящей его кончиной, но где-то глубоко в сердце таится надежда и неверие в то, что это произойдет именно с ними. В таких обстоятельствах при наступлении смерти неизбежно, в той или иной степени, вскрывается наша неготовность принять это испытание как часть благого Промысла Бога Творца. Хотя, говоря по правде, модели поведения в таких случаях бывают разные.

Очевидно одно: в современном мире, пока человек непосредственным образом не столкнется со смертью, он не задумывается о ней всерьез. Для большинства людей на земном шаре типично жить так, как будто никакой смерти вовсе не существует, и при соприкосновении с ней в человеческом сознании образуется некий разрыв между его интуитивным знанием жизни и эмпирическим фактом случившейся потери ближнего или мыслью о неизбежности своей собственной смерти. Можно сказать, что каждый человек естественным образом пребывает в состоянии внутренней убежденности, что он бессмертен, поэтому и смерть ближнего переживается нами как трагедия, как зло, как то, чего не должно было быть.

Самое интересное, что такая, хотя бы и интуитивная, вера в собственное бессмертие характерна не только

для людей, живущих в современном христианском или, как сейчас говорят, постхристианском мире, но была присуща человеку с самых ранних времен. Известно, что некоторые древнейшие археологические культуры подтверждают наличие отрефлексированной веры человека эпохи неолита не только в свое бессмертие, но и, вероятно, в телесное воскресение. Вне всякого сомнения, можно утверждать, что человек всегда искал для себя вечности и преодоления своей природной биологической ограниченности.

Сколько бы мы ни говорили о смерти, она остается для нас неразгаданной тайной. Недаром эта тема привлекала столь пристальное внимание художников разных стран и эпох. Нам известны выдающиеся образцы высокого искусства, которые по форме своей являются заупокойной молитвой, среди них — стихиры Иоанна Дамаскина, «Реквием» Моцарта, «Траурная ода» Баха и многие другие произведения, давно уже вошедшие в сокровищницу мировой культуры. Объяснить это можно тем, что заупокойная молитва, в конечном счете, представляет собой для нас не что иное, как первый шаг к преодолению смерти, и дальнейший наш разговор будет строиться вокруг того скромного опыта в этом вопросе, коим обладает автор этих строк и которым он хочет поделиться со своим читателем.

ДА МИНУЕТ МЕНЯ ЧАША СИЯ...

...ЧЕЛОВЕК, СОТВОРЕННЫЙ БОГОМ ДЛЯ
ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ, В ГЛУБИНЕ СВОЕЙ ВСЕГДА
НЕ СОГЛАСЕН СО СМЕРТЬЮ. СМЕРТЬ — ЭТО ТО,
ЧТО НЕ ВПИСЫВАЕТСЯ В СТРОЙНУЮ КАРТИНУ
МИРОЗДАНИЯ.

В большинстве случаев смерть переживается нами как абсолютное зло, как крайняя его форма, его апофеоз. Дело в том, что человек, сотворенный Богом для вечной жизни, в глубине своей всегда не согласен со смертью. Смерть — это то, что не вписывается в стройную картину мироздания. Вот мы читаем Евангелие, где Христос в Гефсиманском саду, перед тем как Он будет взят под стражу, переживает внутренний конфликт, моля Отца о том, чтобы чаша смерти миновала Его. Немыслимо обвинять Спасителя в малодушии, просто, как и для любого из нас, для Богочеловека Христа смерть сама по себе противоестественна, природная воля человека всегда противится смерти. Но тем не менее жизненный опыт говорит нам, что если мы здесь, на земле, и имеем непреложные законы, то закон смерти и тления, вне всякого сомнения, является одним из них. Наша повседневность свидетельствует о том, что именно смерть является подлинным господином жизни, перед которым все вынуждены смириться. Хотим ли мы этого или нет, но земная жизнь конечна и смерть рано или поздно возьмет свое.

Попробуем проиллюстрировать вышесказанное. Один из ярких образов как раз таки смерти побеждающей и торжествующей предлагает нам М. П. Мусоргский в вокальном цикле на стихи своего друга А. А. Голенище-

ва-Кутузова «Песни и пляски смерти». Возможно, наиболее выразительная из метафор, которую мы встречаем в этом величественном опусе, рисует перед нами смерть в виде владыки-полководца, осматривающего после кровопролитной битвы занятые позиции и подсчитывающего свои трофеи:

Тогда, озарена луною,
На боевом своем коне,
Коней сверкая белизною,
Явилась смерть! и в тишине,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордого полна,
Как полководец, место битвы
Кругом объехала она;
На холм поднявшись, оглянулась,
Остановилась... улынулась...
И над равниной боевой
Пронесся голос роковой:
«Кончена битва — я всех победила!
Все предо мной вы склонились, бойцы,
Жизнь вас поссорила — я помирила.
Дружно вставайте на смотр, мертвецы...»

Не будем возражать, отметим лишь то, что никто из нас не желает просто так капитулировать перед смертью, и с издревле мысль о тленности и бренности всего земного рождала тоску по подлинному бытию по «нестареей» жизни и «гласу чистого радования». Подобного рода духовный поиск зачастую приводит нас к особому возвышенному скептицизму, и в истории человечества

мы имеем множество примеров такого скептического отношения к жизни, в которых можно увидеть некую попытку справиться со смертью. Значительная часть церковных песнопений чина погребения мирских человек (отпевания) также пронизана этим настроением. Вот так, например, о смерти говорит прп. Иоанн Дамаскин в своих известных заупокойных стихирах, знакомых нам по обряду отпевания:

Кая житейская сладость пребывает печали непричастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: едином мгновением, и вся сия смерть приемлет...¹

А вот текст из стихир при последнем целовании из того же чина погребения:

Придите, братие, во гробе узрим пепел и персть, из нея же создахомся. Камо ныне идем? Что же быхом? Кий убог или богат? Или кий владыка? Кий же свободъ? И не вси ли пепел? Доброта лица согни, и юности весь цвет увяди смерть².

¹ Какая сладость в жизни пребудет непричастною печали? Чья слава устоит на земле непреложной? Всё здесь — ничтожнее тени; всё обманчивее сна; одно мгновение — и все это похищает смерть...

² Придите, братья, увидим в могиле пепел и персть, из которой мы созданы; куда мы теперь идем? И чем мы были? Кто здесь нищий или богат? Кто владыка? Кто свободный? Не все ли одинаково — пепел? Красота лица сгнила, и весь цвет юности увял со смертью.

Воистину суета и тление, вся житейская, виды и безславная: вси бо исчезаем, вси умрем, цари же и князи, судии и насильницы, богати и убози, и все естество человеческое: ныне бо, иже иногда в житии, во гробы ввергаются, ихже да упокоит Господь, помолимся¹.

Тем же настроением пронизаны известные слова седальна, взятые также из обряда отпевания мирян:

Воистину суета всяческая, житие же сень и соние: ибо всу мятется всяк земнородный, якоже рече писание: егда мир приобретаем, тогда во гроб вселимся, идеже вкупе цари и нищии. Темже, Христе Боже, преставльшагося раба Твоего (преставльшихся раб Твоих) упокой, яко Человеколюбец².

А это уже строки из 38-го псалма, и опять то же состояние духа, та же возвышенная печаль, та же жажда чего-то большего, нежели то, что предлагает нам повседневность:

Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, коесть, да разумею, что лишаюся аз? Се пяди положил еси

¹ Подлинно все в жизни — суета и тление, все житейское и бесславное. Все мы исчезнем, все умрем: и цари, и князья, и судьи, и подчиненные, и богатые, и убогие, весь род человеческий. И вот теперь опускаются в могилу те, которые когда-то жили; помолимся же, чтобы Господь упокоил их.

² Поистине все суета, а жизнь лишь тень и сон, и тщетно утруждает себя земнородный; ибо, по словам Писания, если и весь мир приобретем, и тогда в гроб вселимся, где не отличишь нищего от царя. Упокой, Христе Боже, преставившегося (преставившихся), ибо Ты — Человеколюбец.

дни моя, и состав мой яко ничтоже пред Тобою: обаче всяческая суета, всяк человек живый. Убо образом ходит человек, обаче в суете мятется: сокровиществует, и не весть, кому соберет я¹.

Несмотря на всю поэтическую убедительность и мудрость этих богослужебных текстов, нужно сказать, что мудрость эта по преимуществу дохристианская, ветхозаветная, какую мы находим в книге Екклесиаста, говорящей нам о суетности всего земного. Подобное скептическое отношение к жизни зачастую обесценивает все человеческие усилия, рождает мысль о том, что здесь, на земле, нас не ждет ничего подлинного и непреходящего. Поэтому и смерть ближнего нередко воспринимается человеком религиозным прежде всего как избавление: дескать, отмучился, там ему будет легче. Такой взгляд на мир рождает пренебрежение ко всему материальному, в том числе и к человеческому телу, т. к. именно оно наиболее очевидным образом подвластно закону тления, ничто так явно не причиняет мучение человеку, как телесное страдание. Вот и античный мудрец Платон говорит нам, что «тело — гробница души», следственно, подлинная жизнь начинается лишь за гробом, где нет болезней и печалей, где жизнь бесконечная. Здесь же, на земле, в мире, который лежит во зле, не может быть ничего хорошего, по-

¹ Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, что-бы я познал, чего не хватает мне. Вот, Ты пядями измерил дни мои, и естество мое — как ничто пред Тобою; впрочем, все — тщета, всякий человек живущий. Подлинно, как призрак, преходящ человек, только напрасно волнуется; копит сокровища и не знает, для кого он их соберет.

этому смерть в действительности — это благо для человека. Но так ли это на самом деле, об этом ли нам говорит Евангелие? И если в смерти — благо и освобождение от власти зла, почему тогда Господь плачет над телом умершего Лазаря, в чем смысл Гефсиманского борения, почему Он чуждается смерти? Для более глубокого ответа нам необходимо задаться другим не менее важным вопросом: откуда в мире смерть и вообще зло и какова их природа?

Христианство однозначно говорит нам о том, что Бог ни зла, ни смерти не сотворил, Он *есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1: 5), то есть причина страданий мира лежит в самом мире, а именно в свободной воле каждого из нас. Смерть входит в мир с грехом, с отпадением наших прародителей Адама и Евы от *Жизнодавца* Бога. Тогда резонно возникает и другой вопрос: почему же Господь не сотворил нас неспособными ко злу, почему не создал человека таким, что он даже если бы и захотел, то не смог бы согрешить? Святитель Василий Великий, каппадокийский епископ IV века, так отвечает на это: «Потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобою свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добродетельно. Добродетель же происходит от произволения, а не от необходимости; а произволение зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно» («Беседа о том, что Бог не виновник зла»). Поэтому, согласно великому каппадокийцу, тот, кто порицает Творца за то, что не устроил нас неспособными ко греху по нашей природе, тот предпочитает свободе рабство и безволие, а также отрицает творческую способность человека

менять окружающую его действительность. Человек создан Богом не как раб, но как соработник, как соучастник творения, он был вызван Им из небытия для свободного возрастания в любви и совершенстве. Свобода же предполагает и возможность отказа от следования тому предназначению, к которому он призван. К сожалению, именно по этому пути и пошло человечество. Путь этот в Библии назван путем познания добра и зла. Но, оторвав себя от Всеблагого Творца, человек как венец творения отрывает мир от Божественной Благодати, и более того, чем дальше человечество отпадает от Бога и Его Правды, тем больше становится на земле хаоса, бессмыслицы и страдания. Бог как бы отступает от мира, когда мы не заинтересованы в Его присутствии.

Но даже такое, казалось бы, убедительное объяснение лишь только отчасти отвечает на поставленный нами вопрос. Ответ во всей его полноте дает нам Сам Христос в Своем искупительном крестном подвиге. Ответ этот заключается даже не в уничтожении зла и страдания, что уже невозможно в нашем падшем мире, а в претворении их в победу над всяческой неправдой. Вот это претворение и совершает Христос, Сам принимая крестную смерть, вольно отдавая Себя на поругание. Очень удачно об этом сказал протопресвитер Александр Шмеман: «Христос, Сын Божий, сиянье и свет Бога на земле, вошел в наше страданье, принял его до конца, сделал его Своим страданьем во всей полной и страшной мере его: с нами вместе, как один из нас, но только в сверхчеловеческой полноте. Таким образом открыв Своим состраданием и для нас возможность наше страданье претворять в состраданье Ему — и это значит в духовный подвиг,

в духовную борьбу, в духовную победу. Страдание — венец и торжество бессмыслицы и абсурда — Христос наполнил Своей верой, Своей любовью, Своей надеждой, и это значит — смыслом» (беседа на радио «Свобода»). Тот, о Котором сказано, что Он есть Любовь, Кто есть источник добра и красоты, смиряет Себя перед злом, предает Себя в руки палачей, чтобы каждый из нас имел возможность личной победы над самой смертью, и начало этой победы нам доступно уже здесь в нашем земном пути. Вместо разрушения жизни, посредством страдания и смерти Христос сделал возможным рождение через них в подлинную, духовную жизнь.

Христианство полностью не объясняет и тем более не оправдывает смерти, но предлагает опыт ее преодоления путем следования за Христом. Крест Господень, по словам Апостола, — *для Иудеев соблазн, для Еллинов безумие* (1 Кор. 1: 23). Проблема зла и смерти не может быть разрешена Евклидовым логическим умом, но она преодолевается в полноте Богочеловеческой любви, которая одна только и может противостоять всей бессмыслице и несправедливости окружающей нас действительности.

ПРОСИТЕ, И ДАТСЯ ВАМ...

В ПРОШЕНИИ ВЫЯВЛЯЕТСЯ ВЕРА ХРИСТИАНИНА
В ТО, ЧТО ОН НЕБЕЗРАЗЛИЧЕН БОГУ, В ТО, ЧТО
БОГ НЕ МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ БЕЗУЧАСТНЫМ ПО
ОТНОШЕНИЮ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БОЛИ, ЧТО
БОГ СОСТРАДАЕТ ЕМУ ВО ВСЕМ КОШМАРЕ ЕГО
ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, ЧТО ЭТО ИХ ОБЩАЯ БОЛЬ.

Возвращаясь непосредственно к нашей теме, отметим, что заупокойная молитва — это просительная молитва, но не только просительная, а еще и ходатайственная молитва. А это значит, что сам молящийся об упокоении усопшего выступает не просто в роли просителя, но и в некотором смысле в роли поручителя, в роли того, кто готов восполнить то, на что уже не способен отошедший в мир иной близкий ему человек. Поэтому огромное значение имеют не только взаимоотношения с Богом самого усопшего, но и духовное состояние того, кто молится о его упокоении.

Мы поговорим о двух смысловых центрах православного поминовения усопших, которые в равной степени присутствуют в заупокойных текстах: о ходатайстве за душу умершего и о покаянии. В силу того, что заупокойная молитва все-таки по преимуществу является просительной молитвой, мы остановимся на этом моменте подробнее. Здесь обязательно нужно сказать, что любой диалог, а молитва — это всегда диалог между человеком и Богом (или человеком и человеком), предполагает наличие чувства такта, которое митрополит Анастасий (Грибановский) определяет как «ум благородного сердца». Поэтому молитвенный диалог становится подлинным, если приоритетным для молящегося являются

не его собственные интересы, но Тот, Кто должен его услышать, к Кому он в данный момент обращается.

Возникает резонный вопрос: на каких основаниях мы можем что-либо просить у Бога? Можем ли мы это просить у Того, Кто нам не известен, не близок, безразличен, Кто для нас по сути чужой? Не является ли наше прошение действительно бестактностью по отношению к Нему? Ведь странно было бы просить незнакомца оказать неоценимую услугу близкому вам человеку. Но в отношениях с Богом все еще сложнее, так как эти отношения не могут строиться на корыстных началах, даже если в основе нашего прошения, нашего ходатайства лежит самый благородный посыл — желание блага усопшему, дорогому для нашего сердца человеку. Молитва никогда не может носить характер сделки, молитвенные отношения с Богом — это не деловое партнерство по принципу: я что-то делаю для Тебя, а Ты для меня, я соблюдаю нравственный или ритуальный закон, а Ты исполняешь Свои обетования.

Нужно дать себе ясный отчет в том, что в религиозной жизни не может быть никаких гарантий. Мы не можем навязывать Богу свою волю и свои представления о том, что хорошо, а что плохо, человек сам по себе отчасти лишен способности различия добра и зла. Об этом свидетельствует и русская поговорка: «Благими намерениями выстлана дорога в ад». Что в данном случае является благом, а что может нанести непоправимый вред человеческой душе, какое из двух зол является наименьшим — это не дано нам определить, глубина бытия скрыта от рефлексирующего рассудка.

Поиск правды без Бога чреват катастрофой. Это предостережение можно отнести в равной степени как

к жизни отдельного человека, так и к истории народов и государств. Как известно, борьба за свободу, равенство и братство, под лозунгами которой совершалась французская революция в конце XVIII века, закончилась общеевропейской войной. А плодами эпохи Просвещения, среди прочих достаточно сомнительных достижений, стал аморализм маркиза де Сада и гильотина. Поэтому поиск духовного блага для человека возможен лишь в самоотречении, в самоотречении не только от своих желаний, дабы не было соблазна принять желаемое за действительное или навязать свои желания Богу, но и в отказе от тех стереотипов и рассудочных построений, которыми мы руководствуемся в повседневности.

Акт веры заставляет нас пойти на определенный «риск», пожившись на волю Божию, довериться Ему подобно Аврааму, который вел своего сына Исаака на заклание, внимая Божественному повелению. Мы должны выпустить усопшего из своего эгоцентричного мира и передать его в руки Божии. При этом даже не помышляя думать и пытаться что-либо решать за Бога, так как всякая наша правда пред Ним есть «руб поверженный», а мудрость мира — сущее безумие. Близость к Богу рождается через доверие к Нему. Даже на первых порах, когда потеря близкого переживается наиболее остро, мы должны не жалеть себя, не упиваться своим горем, а прорваться через собственные эмоции к Тому, перед Кем мы ходатайствуем за того, кого любим, кого мы потеряли на земле, но пока еще не обрели в вечности. Поэтому в данном случае, возможно, особую значимость имеют такие постоянные и неотъемлемые элемен-

ты христианской молитвы, как славословия Богу. Насколько сложно в такой жизненной ситуации честно произнести привычные слова: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу всегда, и ныне и присно и во веки веков. Аминь*. Действительно, нелегко сказать это от всего сердца, когда мы видим перед собою лежащим обезображенным смертью того, кого, возможно, мы любим более всех живущих на свете. Бог, во власти Которого все на земле, отнял у меня самое дорогое, могу ли я дать на это свое внутреннее согласие? Для преодоления такого барьера нужны необычайная решимость веры и подлинное самоотречение. Самоотречение доступно каждому из нас, если он заглянет внутрь себя и сможет отделить любовь к усопшему от иных своих переживаний, и в этой любви уже есть начаток подлинного отречения от себя, начаток любви и абсолютного доверия к Богу.

Вернемся же теперь к нашему вопросу: так в каком же случае мы имеем, так сказать, «моральное право» просить у Бога? Ответ мы можем найти в заключительных словах заупокойной ектеньи, которая возглашается в начале чинопоследования панихиды:

*Милости Божия, Царства Небеснаго, и оставления грехов испросивше тем и сами себе, друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим*¹.

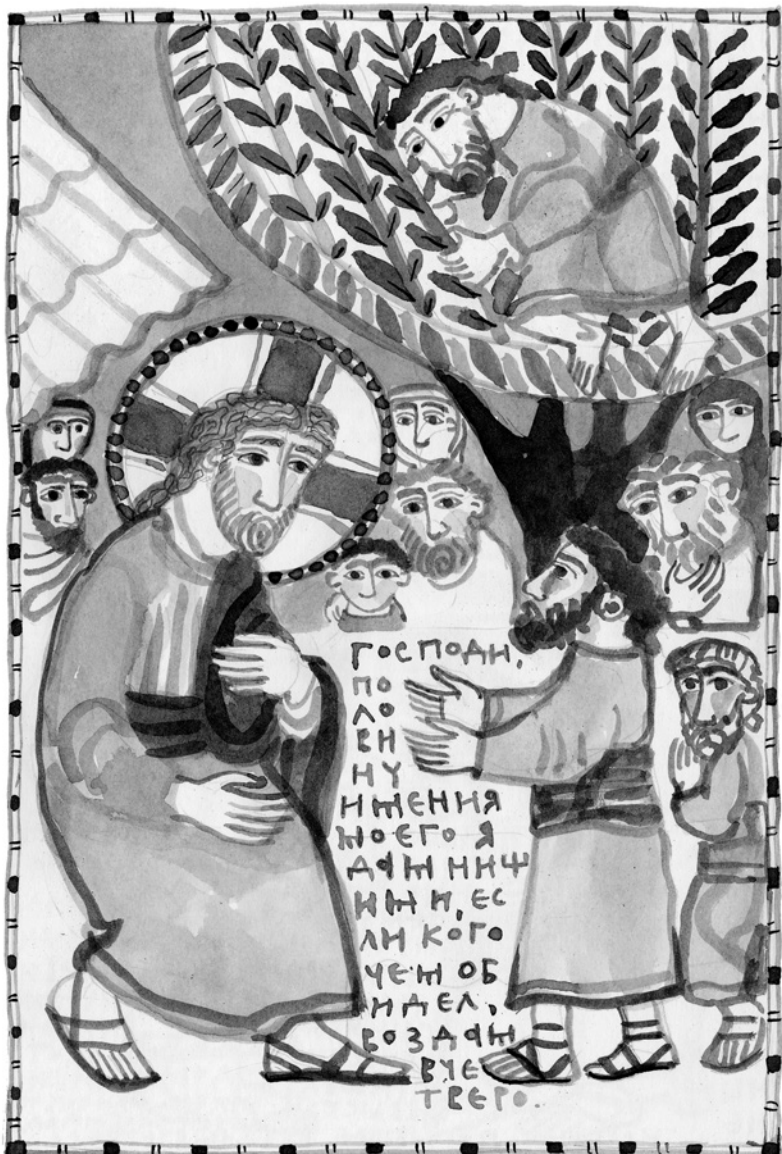
Отдать себя и отдать ближнего в руки Бога — вот главное условие любой просительной молитвы. Каждое

¹ Испросивши милости Божией, Царства Небесного и оставления грехов тем (усопшим), сами себя, друг друга и всю нашу жизнь Христу Богу предадим.

наше прошение обретает свою завершенность именно в этих словах, именно при таком понимании взаимоотношения человека и Бога, где каждая из сторон молитвенного диалога всецело посвящает, передает себя другой стороне. Но зачем просить о чем-либо Бога, если Ему и так известно о том, в чем мы на данный момент нуждаемся, обо всех наших желаниях, которые, к слову сказать, часто расходятся с нашими потребностями? Ребром этот вопрос ставит само Евангелие, говоря о том, что Отец наш Небесный и так знает наперед, в чем мы имеем нужду (см.: Мф. 6: 30). Господу известны все наши мысли, все наши вопрошания, не нужно ли ограничить молитву нашу одним лишь единственным прошением: «Да будет воля Твоя...», не будет ли это для нас достаточным? Возможно, на определенной духовной высоте, на которую суждено подняться лишь единицам, это действительно так, и подлинная молитва совершается в безмолвном созерцании Божественной Славы. Для нас же, людей приземленных, возможность обратиться к Богу с просьбой открывает саму перспективу духовной жизни. В прощении выявляется вера христианина в то, что он небезразличен Богу, в то, что Бог не может остаться безучастным по отношению к человеческой боли, что Бог сострадает ему во всем кошмаре его жизненной ситуации, что это их общая боль. Но и христианин с хоть мало-мальским молитвенным опытом начинает догадываться, что и он со своей стороны призывается разделить боль и страдание Бога, разделить Крест, умереть и воскреснуть с Ним. Человек, вступивший в союз со Христом, уже не обречен на перспективу выживания в одиночку, но саму свою жизнь, все, что ему дано и, на-

оборот, чем он обременен, разделяет с Самим Христом и другими членами Церкви. Недаром при совершении Таинства Крещения священник трижды спрашивает крещаемого, имеет ли он твердое намерение сочетаться со Христом, то есть войти с Ним в духовный союз, посвятить себя служению Его Правде. Вне этого крещального обета верности нет самого христианства, в конечном счете, нет и действительного единства человеческого рода, а лишь некая совокупность людей, обреченных на вечное одиночество.

ИЗМЕНЕНИЕ УМА

ГОСПОДИ,
ПО
ЛЮ
БИ
МУ
ИМЕНЯ
НОЕГО Я
АДМИНИ
СТРИ
М, ЕС
ЛИ КОГО
ЧЕШ ОБ
ИМЕЛ,
ВОЗДУ
ХУ
ТРЕГО.

Вечность для человека невозможна без
изменения ума, без преображения его
природы, без уподобления себя своему
первообразу, вечность несовместима
с нашим несовершенством, с нашей
поврежденностью грехом.

Внимательный прихожанин не может не заметить наличие большого количества покаянных мотивов в православном заупокойном богослужении. Покаяние — это отправная точка Евангелия и любого духовного восхождения, с призыва к покаянию начинают свою проповедь Иоанн Креститель и Господь наш Иисус Христос, взывая: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3: 2; 4: 17). «Покаяние есть великое понимание» — это цитата из одного из древнейших христианских текстов, книги «Пастырь» Ерма; без этого понимания не может совершаться молитва. И то самозабвение, о котором мы говорили выше, неразрывным образом связано именно с покаянием. Делая ставку на Того, Кто не может быть обнаружен очевидным образом, мы вынуждены искать Его в глубине своего собственного сердца. Здесь мы в некотором смысле обречены на отказ от поверхностного восприятия себя самих и своих отношений с умершим близким, то есть с тем, кто также не присутствует рядом очевидным образом, но навсегда остался у нас в сердце.

Зачастую отношения между близкими людьми строятся на том, что каждый из них пытается переделать другого, заставить его измениться. В ситуации, когда мы остаемся одни, мы начинаем понимать, что все дело в нас, что менять надо в первую очередь себя. Подобное

погружение внутрь себя есть начало покаяния или, если иначе, более точно перевести это евангельское слово, начало изменения ума.

О покаянии достаточно много написано, поэтому здесь мы коснемся лишь отдельных моментов, которые непосредственно относятся к нашей теме. Покаяние в современной церковной ситуации, к сожалению, зачастую сводится лишь к раскаянию, к некому простому сожалению о содеянном. Выглядит это приблизительно следующим образом. Верующий кается, говоря: «Господи, я был неправ, не вмени мне мой грех в вину». Грех в этом случае понимается как отдельный поступок из списка грехов, который содержится в пособии к исповеди. При таком понимании нравственная норма — это внешнее предписание, буква закона, следовательно, неисполнение этой буквы карается справедливым Богом, Который все видит и все грехи наши знает, поэтому нет ничего страшнее неисповеданного греха. Покаяние в первую очередь здесь ассоциируется с Таинством Исповеди и зачастую к ней только и сводится. Сама же исповедь воспринимается как своего рода ритуальное омовение от скверны греха. К сожалению, такое во многом ограниченное понимание покаяния, можно сказать, является повсеместным.

Но все же покаяние в своем изначальном смысле слова — это в первую очередь примирение с Богом, и, как известно, в самом глубоком смысле это примирение стало возможным благодаря тому, что в едином Лице Иисуса Христа соединились Божественная и человеческая природы. Бог стал человеком, для того чтобы каждый из нас смог обрести Бога, стать Его сотелесником, поэтому вне желания соединиться со Христом нет и покаяния, цен-

ность которого таким ярким образом явлена лишь в христианстве. Для других религиозных и этических систем важно лишь то, чем ты являешься *de facto*, хорошим или плохим, важен твой реальный поступок и его столь же реальные плоды, остальное имеет второстепенное значение. В христианстве же покаяние — это первый шаг к обожению, к стяжанию благодати Духа Святого. Но для того чтобы сделать этот шаг, мы, по словам Апостола, должны умереть для закона (см.: Рим. 7: 4–6). В данном случае этот закон — нравственный. Это означает то, что мы должны перестать воспринимать нравственную норму как нечто внешнее, что довлечет над нами, чему нас что-либо принуждает подчиниться. Логику такого христианского понимания нравственного поведения выразил блаженный Августин словами: «Имей любовь к Богу и делай все, что хочешь»; все, что не укладывается в это понимание, и есть грех. Грех — это то, что противоречит любви.

В силу того, что *любовь никогда не престаёт*, по известным словам первоверховного Апостола (см.: 1 Кор. 13: 8), становится возможной и зауспокойная молитва. Когда смерть разлучает нас с нашими близкими, вся неправда наших отношений становится для нас очевидной, так как мы понимаем, что исправить что-либо уже невозможно, по крайней мере, это невозможно сделать привычным путем. Чувство вины перед умершим — это естественное чувство, возникающее в данной ситуации, и оно долгое время нас не покидает. Так или иначе, каждый из нас пересматривает свои взаимоотношения с усопшим, видит свои ошибки более отчетливо, поэтому зауспокойная молитва, которая в действительности является единственным мостиком между людьми, разделенными смертью,

невозможна без покаяния. Возникающий в нас страх одиночества и смерти, страх перед небытием обнажает ограниченность нашей повседневной жизни, но одновременно дает намек на то, в чем состоит сама суть жизни подлинной, которая как раз и заключается в изменении себя в самоперерастании. «Только человеческое ниже самого человека», — говорит русский религиозный мыслитель Владимир Вейдле. Нет человека там, где хочет быть только лишь человек. Зачастую мы воспринимаем своего ближнего как свою собственность или, по крайней мере, стремимся подчинить его себе, овладеть им. Такого рода стремления рождают нашу к нему привязанность, которую мы почти всегда ошибочно принимаем за любовь. Потеря ближнего переживается как потеря дорогой вещи, на первый план здесь выходит безвозвратность этой потери. Привязанность к вещи не имеет перспективы в вечности. А так как плоть и кровь Царствия Божьего не наследуют (см.: 1 Кор. 15: 50), то в данном случае действительно *враги человеку — домашние его* (Мф. 10: 36), так как боль потери заслоняет от человека Бога. Покаянная молитва помогает перерастить подобное отношение к усопшему, увидеть самоценность и вечность его бытия, такая молитва, как парадоксально это ни звучало бы, может дать начало подлинным взаимоотношениям между двумя людьми, которых не было при жизни, но они стали возможны, лишь когда смерть разделила их. Молитва обладает силой сделать далекое близким.

Как мы уже видели, невозможно говорить о спасении одного в отдельности взятого индивидуума вне его отношений с другими людьми, так как само спасение происходит во Христе, а значит, в Церкви, которая есть

Тело Христово. Если христианин хочет, чтобы существующее положение вещей изменилось, то он знает, что нужно изменить в первую очередь — себя самого, то есть покаяться. Можно предположить, что ради любви одного человека к другому Господь спасает двоих. Ведь сможет ли блаженствовать в жизни будущего века сам любящий, если тот, кого он любит, осужден на вечную погибель? Преподобный Силуан Афонский в таких случаях говорил: «любовь этого потерпеть не может». Поэтому здесь нам остается только приложить все усилия для того, чтобы исправить себя и возлюбить усопшего своего ближнего той любовью, которой Господь возлюбил мир, держать его в своем сердце и молитвенной памяти, доверившись благому Божьему Промыслу.

Смерть ближнего является пограничной ситуацией в человеческой жизни. И тут нужно отдавать себе отчет в том, что наше понимание жизни и наше понимание смерти — две стороны одной медали, два аспекта единого миропонимания. Перед лицом смерти нам дана возможность по-новому взглянуть на то, что ранее в нашей жизни казалось очевидным. Молитвенное соприкосновение со смертью, сама по себе мысль о Вечности и о нашем в ней месте может также привести каждого из нас к покаянию.

Русский религиозный мыслитель Иван Ильин в своем замечательном сборнике эссе «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» приводит следующее рассуждение относительно смерти: «Стоит мне только подумать о том, что вот эта моя земная особа, во всех отношениях несовершенная, наследственно обремененная, вечно болезненная, в сущности, не удавшаяся ни природе, ни родителям, сделалась бы *бессмертной*, и меня охватывает

подлинный ужас... Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая собирается не умирать, а заполнить собою все времена». Вечность для человека невозможна без изменения ума, без преобразования его природы, без уподобления себя своему первообразу, вечность несовместима с нашим несовершенством, с нашей поврежденностью грехом. В противном случае, согласно Ильину, каждый из нас подобен фальшивому аккорду, который будет звучать вечно. Мысль о смерти рождает в нас жажду истинного содержания жизни. Вот еще одна цитата из Ильина: «Таким образом, смерть становится для меня оформляющим и осмысливающим *началом жизни*, не то призывом, не то советом. Как если бы старший друг, любящий и заботливый, сказал мне: „Знаешь что, жизнь-то ведь коротка, а прекрасным возможностям — в любви, в служении, в созерцании, в созидании — нет числа; не лучше ли оставить без внимания все пошрое, жалкое и ничтожное и выбрать себе лучшее, подлинно лучшее, на самом деле прекрасное, чтобы не утратить божественных красот мира и жизни?..“»

Итак, мы постепенно подошли к другой теме, которую мы не можем обойти вниманием, тема эта связана с тем, что в церковном Предании называется памятью смертной. В сегодняшнем обществе лежит табу на обсуждении тем, связанных со смертью, и наш современник предпочитает жить, как будто никакой смерти не существует. Более того, уже становится дурным тоном говорить о смерти вслух, как о чем-то постыдном и неприличном. Массовая культура пытается всеми доступными средствами представить жизнь человека как бесконечный праздник, всячески вытесняя из сознания людей мысль

о конечности нашего земного пути. Действительно, поскольку ничто так не беспокоит человека, ничто его так не пугает, как смерть, самый верный способ обрести психологический комфорт и спокойствие — это не пускать подобные мысли в голову. И тем не менее так называемая *память смертная* имеет первостепенное значение в духовной практике христианства. И как мы уже говорили, зачастую именно переживание реальности смерти, встреча со смертью становится моментом истины в нашей жизни. В качестве примера можно привести евангельский рассказ о благоразумном разбойнике, в последние минуты своей жизни принесшем покаяние и первым вошедшем в рай. Примечательно, что этот библейский образ покаяния мы встречаем в обряде отпевания в тропарях на заповедях блаженства.

Разбойника рая, Христе, жителя, на кресте Тебе возопивша, помяни мя, председеал еси покаянием его, и мене сподоби недостойнаго¹.

Животом господствуяй и смертию, во дворех святых упокой, его же приял еси от прिवременных: и помяни мя, егда приидеши во Царствии Твоем².

¹ Разбойника, возопившего к Тебе на кресте: «помяни мя», — Ты соделал, Христе, прежде всех жителем рая, за его покаяние; и меня недостойного сподоби.

² Ты, Господин жизни и смерти, упокой в обителях святых Твоих принятого Тобою из этой кратковременной жизни; и помяни меня, когда придешь во Царствии Твоем.

Вот другой не менее яркий, известный почти каждому пример из нашего сравнительно недавнего прошлого — обращение к вере Достоевского. Отправной точкой этого обращения был момент, когда он, приговоренный к казни, стоял на плацу в ожидании смерти. И мы знаем, что после помилования и каторги все творчество писателя сопряжено с Евангелием. Таких примеров множество, мы можем смело утверждать, что встреча со смертью отрезвляет человека, ставит его на место, заставляет задуматься над вечными вопросами о подлинном смысле того, что с ним происходит. Память смертная — это и есть мысленная встреча со смертью, происходящая в глубине человеческого существа.

Издревле в христианстве памятование о смерти является традиционным духовным упражнением, помогающим верующему отречься от всего суетного и второстепенного и сосредоточиться на самом главном, едином на потребу. Недаром каждый Великий пост — время особого духовного напряжения — мы начинаем с воспоминания изгнания Адама из рая, именно с того самого момента человеческой истории, когда вместе с прародительским грехом в жизнь мира входит и смерть.

Можно сказать, что общим местом в творениях отцов Церкви является мысль о том, что мы должны проживать каждый день как последний, даже более того, день, прожитый без такой мысленной установки, является прожитым напрасно. В чем смысл этого призыва? Неужели каждый миг нашего существования должен быть омрачен или даже отравлен мыслью о неминуемом конце нашей и без того нелегкой жизни? Зачем нам ежедневно думать о самом страшном, что в итоге должно случиться

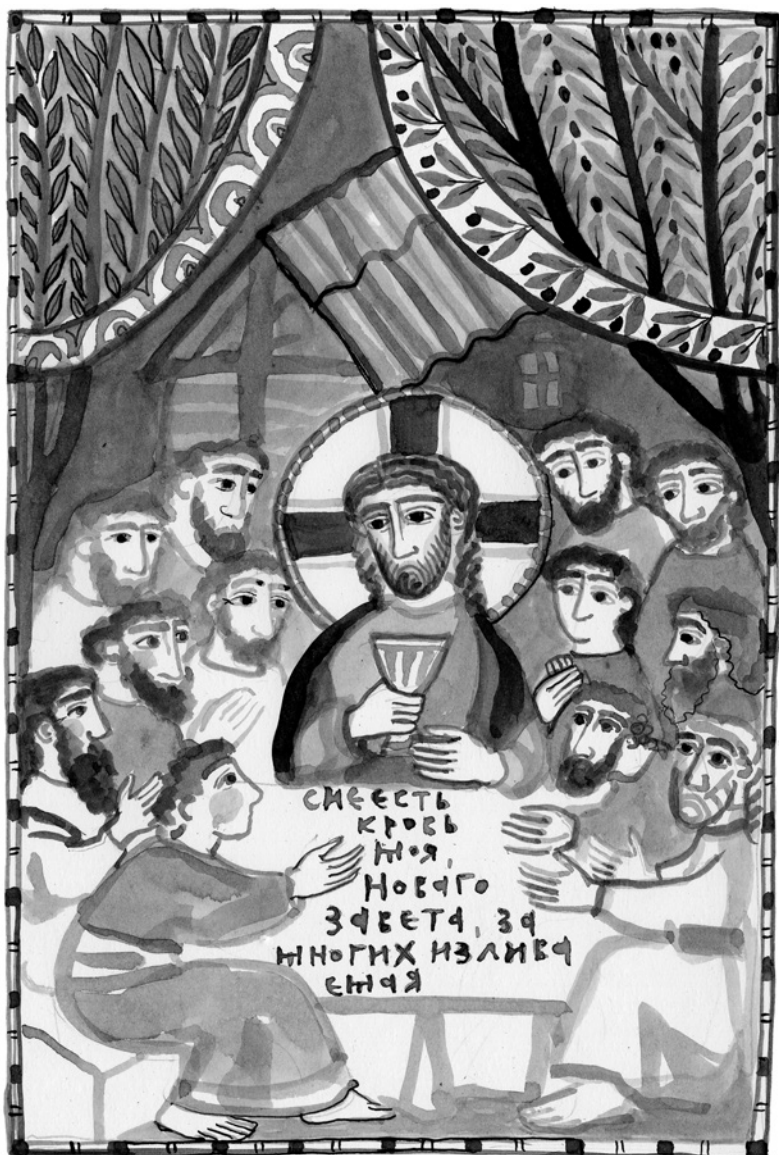
с каждым из нас? Приведем ответ на этот вопрос, который дает нам один из выдающихся пастырей двадцатого столетия митрополит Сурожский Антоний (Блум): «Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним, что этот момент нам дан, чтобы достичь какого-то совершенства, что слова, которые мы произносим, — последние наши слова и поэтому должны выражать всю красоту, всю мудрость, все знание, но также и в первую очередь — всю любовь, которой мы научились в течение своей жизни, коротка ли она была или длинна. Как бы мы поступали в наших взаимных отношениях, если бы настоящий миг был единственным в нашем распоряжении и если бы этот миг должен был выразить, воплотить всю нашу любовь и заботу? Мы жили бы с напряженностью и с глубиной, иначе нам не доступными. И мы редко сознаем, что такое настоящий миг. Мы переходим из прошлого в будущее и не переживаем реально и в полноте настоящий момент» («Жизнь. Болезнь. Смерть»). Ежедневное памятование о смерти должно не отравлять нашу жизнь, но помочь нам принимать каждый ее миг как единственный и уникальный, научить нас относиться к нашей повседневности не как к некоему черновику, но так, чтобы переживать каждое мгновение нашей жизни со всей ответственностью, во всей его полноте и правде.

Находясь на грани смерти (пусть даже и мысленно), мы по-иному воспринимаем наши взаимоотношения с окружающими нас людьми. Вот как об этом говорит уже упомянутый нами митрополит Антоний: «Если бы я знал, если бы вы знали, что человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть и что звук вашего голоса,

содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность, — как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали!.. Опыт показывает, что перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни» (там же).

Именно поэтому, наряду, скажем, с постом и молитвой, память смертная является необходимым звеном в цепи духовных деланий христианина. Зачастую мы так глубоко увязаем в наших житейских попечениях, что только мысль о неминуемой кончине помогает нам прийти в себя, вновь встать на путь следования за Христом. Именно память смертная побуждает нас сопротивляться праздности и однообразию жизни, помогает принимать каждый момент нашего существования как бесценный Божий Дар.

ДА БУДУТ ЕДИНО, ЯКОЖЕ И МЫ...

...ВНЕ ХРИСТА МЫ ОБРЕЧЕНЫ ЛИШЬ НА ВЕЧНЫЙ
ПОИСК ТОГО, КТО РЯДОМ, И ЕСЛИ ОН НАС НЕ
СОЕДИНИТ, ТО МЫ ДАЖЕ НЕ СМОЖЕМ УЗНАТЬ ДРУГ
ДРУГА, МЫ ТАК И ОСТАНЕМСЯ ПО СУТИ ЧУЖИМИ
ЛЮДЬМИ.

В продолжение нашей беседы признаемся, что все то, о чем мы говорили выше, напрямую относилось скорее к частной молитве, то есть обращению к Богу отдельного христианина с просьбой об упокоении своего близкого. Но главный предмет нашего разговора — это прежде всего молитва церковная. И здесь для более или менее основательного разговора нам нужно разобраться с тем, как мы, православные христиане, понимаем, что такое Церковь, или, по крайней мере, хотя бы на толику приблизиться к этому пониманию. В данном случае дать четкое словарное значение нам не удастся, поскольку Церковь — это богочеловеческий организм, то есть то, что уже по определению лежит за гранью нашего человеческого разума. Православное Предание именует Церковь Телом Христовым, где Сам Христос — Глава, а мы члены этого Тела; такое понимание Церкви восходит к апостолу Павлу и является, возможно, самым известным и самым важным для нас из существующих образов Церкви. То есть Церковь — это то, что напрямую связано с искупительной Жертвой Христа. Несмотря на всю таинственность и непостижимость, все, что нам необходимо знать о Церкви, нам уже открыто в достаточном объеме, поэтому обратимся к некоторым фундаментальным положениям православной эkkлесиологии (учению о Церкви), которые помогут нам прояснить

ряд вопросов, непосредственно касающихся темы нашего разговора.

Начнем с самого начала. Когда Господь Бог творит мир, Он ставит первозданного Адама над ним владыкой, поскольку сам человек создается Богом как образ Его и подобие, как сороботник и соавтор Творца, как тот, кто призван возделывать райский сад, то есть продолжить то, что начато Богом, внести свой уникальный вклад в созидание мировой гармонии и красоты. Вчитаемся в эти необычайно важные для нашего понимания собственной природы слова первой книги Библии — книги Бытия:

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле (Быт. 1: 26).

И вот Господь творит из праха земного Адама и дает ему дар жизни вечной. А далее налицо парадокс: Адам не ощущает себя счастливым, полнота райского блаженства пока ему недоступна — он одинок. И тогда Бог говорит, что нехорошо человеку быть одному, и творит Адаму помощника — Еву. Лишь с этого момента жизнь постигается Адамом сполна¹. Итак, мы видим, что при сотворении человеческого рода происходит следующее. Перед тем как Адам обретает радость существования и подлинное

¹ *Ева* с древнееврейского языка переводится как *жизнь*.

бытие, он уже имеет опыт одиночества, он уже знает об ограниченности своей изолированной индивидуальности, он знает, что человеком он может быть, только если рядом с ним есть тот, в ком он может себя осуществить как образ и подобие своего Творца. Поэтому Господь дает Адаму того, кто такой же, как он сам, то есть того, кого он мог бы возлюбить, как самого себя. Бог как бы разделяет первозданного человека на два лица, для того чтобы каждый из этих двоих мог познать себя в другом. Обратим теперь внимание на то, что в приведенной нами ранее цитате из книги Бытия сказано о том, что человек творится по образу и подобию Бога, то есть Самой Пресвятой Троицы, на это нам, среди прочего, указывает употребленное бытописателем местоимение «нашему», отсылающее к местоимению множественного числа «мы». Это означает, что человечество в лице Адама и Евы уже изначально творится как Церковь, как образ Триипостасного и Триединого Бога. И если невозможно помыслить Бога как «единицу», как одну ипостась, например Отца без Сына и Святого Духа, так и каждый из нас, взятый в отдельности, не может полноценно существовать, умаляется в своем человеческом достоинстве, теряет свое богоподобие. Справедливо и следующее утверждение, что если человек отказывается от своего богоподобия, он теряет и себя как образ Церкви. Это мы и видим в грехопадении наших прародителей. Обособление человека от Бога привело к разделению между первыми людьми. Изгнанные из райского сада Адам и Ева чувствуют себя нагими, то есть чужими по отношению друг к другу. Дело в том, что та ответственность перед Богом за весь тварный мир, которую возложил Бог на человека, предполагала и его ответствен-

ность за своего ближнего. Но первые люди пренебрегли этим. И мы видим, что отречение наших прародителей от Бога сопровождалось и отречением их друг от друга. Адам не хочет нести ответственность за свой поступок и, оправдываясь перед Богом, перекладывает всю вину на Еву, которая первой вкусила запретный плод с дерева познания добра и зла и дала есть Адаму. Тем самым он отделяет свою сферу ответственности от сферы ответственности своей половины — Евы, то есть он начинает мыслить себя как некое автономное, самодостаточное и изолированное от других существо. Адам и Ева изгоняются из райского сада, и теперь каждый из тех, кто рождается в мир, разделяет с ними последствия этого изгнания. Потому что человек не принадлежит себе полностью, и у нашего «я» есть еще и другие хозяева, помимо нас, а значит, мы не существуем по отдельности, или, как сказал уже упомянутый нами Достоевский в «Братьях Карамазовых» устами старца Зосимы, «каждый перед всеми во всем виноват...».

Теперь отметим еще один не менее важный для нашего разговора момент — то, что после изгнания из рая люди становятся смертными. То есть смерть — это последствие разрушения единства любви между человеком и Богом, между человеком и его ближним, а значит, и преодоление смерти заключается в восстановлении этого первоначального единства. Вот что составляет саму сокровенную суть молитвы Церкви, в том числе и поминовения усопших, которое, как мы уже знаем, является древнейшей и неотъемлемой ее частью. Ведь истинная цель заупокойной молитвы — воссоединение с усопшим ближним через воссоединение с Богом. Поэтому, провожая ближнего в последний путь, мы и молимся от его лица:

Образ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений. Ущедри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием и возжеленное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотворяя¹.

Как известно, история Божественного домостроительства не заканчивается изгнанием Адама из рая, и то, что умерло в Адаме, по меткому выражению апостола Павла, воскресает во Христе. И уже в основании Новозаветной Церкви лежит искупительная Жертва Христова, и теперь залогом единства людей становится причастность каждого из нас этой Жертве. В своей первосвященнической молитве на Тайной вечере Господь молит Бога Отца о соединении людей в Церковь, по образу того единства, которое существует между Лицами Пресвятой Троицы:

Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино (Ин. 17: 21–22).

Существует очень известное высказывание французского мыслителя Жан-Поля Сартра, в его пьесе «За закрытыми дверями» есть такие слова: «ад — это другие». По всей видимости, Сартр здесь подразумевает, что если отношения между людьми искажены, то другой человек

¹ Я — образ Твоей несказанной славы, хотя и ношу гнойные следы грехов. Пожалей создание Твое, Владыка, очисти Твоим милосердием и дай мне желанную отчизну, сделав меня снова жителем рая.

может быть для тебя только адом, источником твоих страданий. Речь в данном случае идет не просто о постороннем человеке, а именно о том, кто находится рядом, кто обречен разделить с нами неподлинность нашего бытия. Но мы по-христиански заметим, что куда более справедливо обратное утверждение: «спасение в ближнем». Ведь, как мы видели, райское блаженство Адама было невозможно до появления Евы. И в нашем случае, в жизни падшего мира, уже само стремление к другому, к самоотречению есть начало обретения той системы координат, вне которой невозможна сама радость жизни. Как говорил известный апологет третьего века Тертуллиан, «*unus christianus, nulus christianus*», то есть «один христианин — это еще не христианин». Вне соединения с другим — так сказать, частным порядком — человек не может войти в Церковь, стать частью единого Тела. Так как само по себе тело предполагает наличие многих членов, которые и составляют это нерасторжимое единство, в данном случае — церковный организм.

Поэтически образ Церкви гениально выразил русский поэт и философ Вячеслав Иванов. Приведем наиболее известный отрывок из его поэмы «Человек»:

Свершается Церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим
И светится внутренний день
Из наших немеющих глаз:
Семью ли лучами звезда,
Очами ль сверкнул Серафим,
Но тает срединная тень,
И в сердце сияет алмаз.

Начертано Имя на нем:
Друг в друге читаем сей знак;
Взаимное шепчем Аминь,
И Третий объемлет двоих.
Двоих знаменует огнем;
Смутясь, отступаем во мрак...
Как дух многозвезден и синь!
Как мир полнозвучен и тих!

Церковь — это не общественный институт, это — способ существования, образ бытия и вместе с тем тот организм, где невозможно пребывать изолированно от других его членов, вне соучастия в жизни друг друга. Нужно сказать, что и сам человек не является этакой «монадой, лишенной окон» или элементарной частицей общественных отношений. Каждый из нас, взятый по отдельности, мало что собой представляет, но как член Церкви каждый человек потенциально — бог по благодати, тот, кто способен к преобразению действительности, к изменению существующего порядка вещей. Поэтому действительно наше спасение в ближнем и спасение ближнего в каждом из нас. При этом вне Христа мы обречены лишь на вечный поиск того, кто рядом, и если Он нас не соединит, то мы даже не сможем узнать друг друга, мы так и останемся по сути чужими людьми. И наоборот, если наша жизнь церковна, то и в смерти своей мы откроемся тому, кем мы жили здесь, на земле, чья радость и чье страдание были для нас нашей радостью и нашим страданием.

Когда мы молимся о спасении души усопшего и его всецелом восстановлении после преобразования мира

в конце времен, мы должны отдавать себе отчет в том, что сама возможность этого восстановления куплена ценою Крови Христовой. Поэтому мы придаем особое значение поминовению за Божественной литургией, при совершении Таинства Евхаристии, Таинства Тела и Крови Христовой. Нет выше молитвы, чем евхаристическая молитва, во время которой мы становимся причастниками Бога, то есть имеем с Ним общую часть, разделяем с Ним само бытие. Евхаристия — это Таинство Церкви, то, что собирает нас воедино. Скажем, Таинство Крещения, Таинство вхождения в Церковь, дает каждому из нас лишь возможность стать христианином, некую церковную правоспособность, но актуально православными мы становимся, лишь участвуя в Божественной литургии.

Слово «литургия» греческого дохристианского происхождения, и его можно перевести на русский язык как «общее дело». В Древней Греции у каждого свободного жителя города-полиса была почетная обязанность — участвовать в благоустройстве своего родного города. Богатые граждане снаряжали флот, жертвовали на строительство, кто не имел такой возможности, участвовал в общественных работах, главное, что никто не оставался безучастным. Это и называлось в Древней Греции общим делом — литургией. С приходом христианства литургией стали называть главное богослужбное действие Церкви, которое поистине и стало общим делом для христиан всех веков. Поэтому литургия — это и есть то, что соединяет нас друг с другом: от века скончавшихся и ныне живущих, почитаемых святых и простых верных христиан.

В силу всего нами сказанного давайте остановимся подробнее именно на евхаристическом поминовении усопших. В числе прочих о древности практики заупокойного поминовения за Евхаристией нам свидетельствуют слова святителя Кирилла Иерусалимского, жившего в середине IV века: «После поминаем и прежде почивших, во-первых, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, чтобы их молитвами и предстательством принял Бог моление наше. Потом и о преставльшихся святых отцах, и епископах, и вообще о всех из нас прежде почивших, веруя, что превеликая будет польза душам, о которых моление возносится в то время, как святая предлежит и страшная Жертва». И далее святитель продолжает: «Хочу я вас и примером уверить. Ибо я знаю, многие говорят: какая польза душе, с грехами или без грехов отходящей от мира сего, если она поминается в молитве? и что если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку, а их ближние потом, сплетши венец, принесли бы ему оный за терпящих наказание, то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом, и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец сплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловляя за них и за нас Человеколюбца Бога» («Тайноводственные поучения». Поучение 5-е).

Во времена святителя Кирилла Иерусалимского поминовение совершалось лишь во время чтения анафоры¹ — это наиболее древнее и самое главное поминовение из всех существующих и поныне в Церкви. В дальнейшем

¹ Центральная часть Божественной литургии, молитва на предложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

чин Божественной литургии получил свое развитие, и на сегодняшний день заупокойное поминовение совершается в следующих местах чинопоследования: на проскомидии, на ектеньях¹ и, как уже было отмечено, во время чтения анафоры. Проскомидия — это начальная часть Божественной литургии, целью которой является приготовление хлеба и вина к последующему их предложению в Тело и Кровь Христовы. Данное приготовление сопровождается поминовением, имеющим глубокое символическое значение. Выглядит это следующим образом: в центр дискаса², который символизирует вселенную, кладется вырезанный из просфоры кубической формы агнец, символизирующий Христа, и вокруг него возлагаются частицы, вынутые в память Богоматери и святых, а также живых и усопших членов Тела Христова. Когда священник вынимает из специально заготовленной просфоры частицу за отошедших в иной мир христиан, он произносит следующие слова:

*О памяти и оставлении грехов святейших патриархов и блаженных создателей святого храма сего (аще во обители: святых обители сей)*³.

Помяни, Господи (имярек).

¹ Особая последовательность молитвенных прошений.

² Евхаристический сосуд, представляющий собой блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета, чаще всего — Младенца Иисуса Христа.

³ О памяти и прощении грехов святейших патриархов и блаженных создателей святого храма сего (или: святой обители сей).

И всех в надежде воскресения, жизни вечныя и Твоего общения усопших, православных отец и братьев наших, Человеколюбче Господи¹.

Вынутые частицы уже в конце литургии после причастия высыпаются в евхаристическую Чашу с Кровью Христовой со словами:

Омый, Господи, грехи всех поминавшихся zde Кровию Твоею Честною и молитвами святых Твоих².

В нашей практике служения литургии проскомидия совершается священнослужителями в алтаре «тайно», в это время на клиросе читаются службы третьего и шестого часов, и большинство верующих не слышат молитв, читаемых священником, но их участие в поминовении заключается в написании и подаче записок, по которым поминаются усопшие при совершении проскомидии. Более того, зная, что в это время в алтаре совершается поминовение, каждый может, стоя в храме, в сердце своем молиться за своих живых и усопших родных и близких людей.

Следующее поминовение, которое совершается за литургией, — это поминовение, происходящее во время особых просительных молитв — ектений. У многих прихожан на слуху следующие слова:

¹ И всех, в надежде воскресения и жизни вечной, в общении с Тобою усопших, православных отцов и братьев наших, человеколюбивый Господи.

² Господи, омой грехи всех здесь поминавшихся Твоею Честною Кровью и молитвами Твоих святых.

Еще молимся о блаженных и приснопамятных святейших патриарсах православных и создателях святого храма сего (в монастыре: и создателях святыя обители сея), и о всех прежде почивших отцев и братиях, zde лежащих и повсюду, православных¹.

В этих словах церковная община поминает отошедших в мир иной своих пастырей и тех, кто в разные времена составлял ее приход. Для понимания этих слов нужно учитывать и то, что православные храмы, начиная еще с эпохи гонений, часто ставились на месте погребений христиан или же просто на кладбищах, поэтому в поминовении за литургией и во время других служб суточного круга есть эти слова о тех, кто покоится «здесь», рядом с храмом.

В те дни, на которые не попадает праздник или память особо чтимого святого, произносится отдельная заупокойная ектеня, знакомая многим еще и по обрядам панихиды и отпевания. На заупокойной ектенье возможно поименное поминовение усопших во всеуслышание. Но центральным поминовением в Церкви является все же поминовение во время кульминации литургии — чтения анафоры, иначе ее называют еще Евхаристическим канонем, который так же, как и проскомидия, в современной практике совершается священнослужителями в алтаре «тайно», молящиеся в храме верующие слышат лишь отдельные возглашаемые фразы этой главной евхаристической молитвы.

¹ Еще молимся о блаженных и всегда нами поминаемых святейших православных патриархах и создателях этого святого храма (в монастыре: и создателях этой святой обители), и о всех до этого умерших отцах и братьях, здесь лежащих и повсюду, православных.

Мы остановимся с вами только на тех местах Евхаристического канона, которые непосредственно касаются заупокойного поминовения. Давайте обратимся к тексту самой распространенной в православном мире литургии свт. Иоанна Златоуста. Наиболее важным моментом литургии является призывание Святого Духа на *предлежащая Дары*, после чего священник благословляет их и делает земной поклон перед Святыней Тела и Крови Христовой, а затем начинается поминовение святых и прежде почивших христиан:

Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже в вере почивших, праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех, и о всяком душе праведнем в вере скончавшемся¹.

Далее поминаются Матерь Божия, Иоанн Креститель, святые, а затем поименно поминаются усопшие и произносятся следующие слова:

И помяни всех усопших о надежди воскресения жизни вечныя. И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего².

¹ Еще приносим Тебе это словесное служение за почивших в вере: праотцев, отцов, патриархов, пророков, апостолов, проповедников, евангелистов, мучеников, исповедников, воздержников и о всяком душе праведном, в вере скончавшемся.

² И помяни всех, усопших в надежде воскресения и жизни вечной. И упокой их, Боже наш, там, где все озаряет свет лица Твоего.

После чего поминаются уже члены земной Церкви.

В литургии мы видим символическое осуществление слов первосвященнической молитвы Господа из приведенного выше евангельского фрагмента о подлинном единстве по образу Пресвятой Троицы, которое дано нам во Христе. В этом единстве каждый причастен другому лишь в той мере, в какой он причастен Христу, и более того, каждый является самим собой лишь в той мере, в какой он посвящает себя другому. Как мы видим, покинувшие наш мир христиане не исключаются из общей картины мироздания, но присутствуют наравне с теми, кто еще не прошел свой земной путь до конца. В основе этого единства лежит христианское понимание любви, которая по своей природе жертвенна, так как сопричастна Жертве, принесенной Христом за всех, чтобы каждый из нас смог преодолеть свое эгоцентричное, всегда маленькое «я» и вместить в своем сердце весь мир.

Слово «евхаристия» переводится как «благодарение», и заупокойное поминовение в Таинстве является частью этого благодарения. То есть наше причастие Божественному Естеству Господа — это наш ответ на дар бытия, который мы получили от Бога, и мы верим в то, что благой Его Промысел не оставит нас наедине с нашим одиночеством и осиротелостью, которые мы испытываем, теряя того, к кому привязались сердцем. И тогда даже самую разлуку мы принимаем как часть дара жизни, как элемент благого Промысла Того, Кого именуем нашим Отцом Небесным.

Нужно сказать, что в христианстве со временем, когда вера и религия стали пониматься многими как частное дело, само спасение человека для многих стало тем, что ка-

сается лишь его одного, что лежит лишь в рамках его индивидуальной ответственности. Здесь каждый познает Бога как бы в одиночку, самостоятельно, в рамках той религиозной традиции (конфессии), которой он принадлежит. Если придерживаться такого понимания спасения, то картина целиком выльдет следующим образом. Христианин, который в своей жизни искал Царствия Божьего и правды Его, по смерти обретает искомое в полноте. Но если он жил лишь для себя, ни в чем себе не отказывая и не имея достаточного упования и веры во Христа, то по окончании земного пути такой человек справедливо попадает в ад. Таков его жизненный выбор, таково его самоопределение в вечности. Принимая данное понимание спасения, мы вынужденно приходим к мысли о неуместности заупокойной молитвы. Так как унаследовавшему Царство Небесное более уже ничего не нужно, а тому, кто осужден на вечную муку, уже ничто не поможет, так как любое вмешательство будет, с одной стороны, нарушением свободы воли умершего, с другой — Божественной справедливости. Такова логика заупокойной молитвы, установившаяся в западном христианстве. Но в силу того, что традиция да и просто здоровое нравственное чувство все же указывают на необходимость молитвы об умерших, в Римско-Католической Церкви достаточно широко распространено заупокойное поминовение, и связано оно в первую очередь с учением о чистилище. Традиционное католическое богословие говорит о том, что грешник после смерти попадает в ад, праведник — в рай, человек же, не согрешивший смертно, но при этом не имеющий достаточных заслуг перед Богом, попадает в чистилище, где он подвергается временному наказанию. Именно для тех, кому положено очищение по-

сле смерти, и нужны молитвы Церкви, чтобы сократить срок пребывания в чистилище. При этом молитвы о тех, кто достиг спасения и разделяет блаженство с праведными в раю, или же о тех, кто осужден на вечное проклятие, бесполезны. Такова приблизительная схема отношения к заупокойному поминовению в Римско-Католической Церкви. Отцы Реформации, такие как Мартин Лютер и Жан Кальвин, отвергли учение о чистилище, но сохранили саму логику рассуждения относительно молитвы об усопших. Таким образом, пытаясь вернуться к истокам христианства, справедливо отвергнув учение о чистилище, протестанты вообще упразднили возможность заупокойного поминовения.

Для православного подхода к молитве об усопших, так же как и для протестантизма, неприемлемо учение о чистилище, но, в отличие от наших инославных братьев, мы исходим из иного представления о человеке и Церкви, о чем мы уже говорили выше. Православное богословие рассматривает каждого из нас как нечто большее, чем просто индивидуум. Подлинная цель церковного поминовения — помочь усопшему приблизиться к Богу, пройти этот путь вместе с ним, так как возможность духовного изменения не ограничивается лишь временем земной жизни, но имеет перспективу в вечности. Бог бесконечен, и тварное существо никогда не сможет полностью уподобиться нетварному Богу, поэтому жизнь вечная — это бесконечное приближение к Богу, постоянное возрастание в Нем в уподоблении Ему. Для человека высокой духовной культуры такое возрастание связано с обретением еще большего блаженства, для человека же, разменявшего себя при жизни на суету и тлен, возможно уменьшение страдания по нашим

молитвам. Так и само слово «ад» мы переводим как «место, лишенное света, отдаленное от Бога», то есть как внутреннее состояние богооставленности, «обезбожения». Молитва Церкви воздействует на всех по-разному, в зависимости от той степени познания истины, которой достиг человек в своей земной жизни, но при этом молитва одинаково необходима и для праведника и для грешника. О возможности и даже необходимости молитвенного поминовения грешников среди прочего свидетельствует нам и одна из коленопреклоненных молитв о иже во аде держимых вечерни праздника Пятидесятницы.

Православное исповедание веры XVIII века, известное как Послание Восточных Патриархов, дает нам следующее представление о посмертной участи усопшего: «Веруем, что души умерших блаженствуют или мучатся по делам своим. Разлучившись с телами, они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби: впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно». Следовательно, между так называемым частным судом и всеобщим (Страшным) судом, который по вере Церкви состоится после Второго пришествия Спасителя, существует некий «временной зазор». Поэтому мы верим, что по молитве Церкви и по милосердию Господа участь того, кто осужден после смерти на частном суде, может быть изменена. Сама же идея всеобщего суда говорит нам о принципиальном единстве всего человечества, где каждый из нас является неким уникальным «элементом» целого, его соучастником, и поэтому не может существо-

вать отдельно, вне взаимодействия с другими участниками бытия. Поэтому спасение человека от осуждения смерти возможно не в силу отбытия наказания, не в силу некоего механизма очищения, но в силу молитвы Церкви, то есть в силу бесконечного доверия со стороны Бога к Церкви, с которой Господь разделяет Свой Суд. Двенадцать апостолов будут судить двенадцать колен Израиля, это значит, что на всеобщем суде полнота Церкви, возглавляемая Богочеловеком Христом, выносит суд всему человечеству, которое окончательно примиряется с Богом.

ЖИЗНЬ С ИЗБЫТКОМ

ЕСЛИ
БЫ
ТЫ
ЗНА
ЛА
ДА
Р

БО
ЖИИ
И КТО
ГОВОРИТ

ТЕБЕ
Е: А ДА И НЕ
ПИТЬ

ДАЖЕ ЕСЛИ МЫ РАССМАТРИВАЕМ ЖИЗНЬ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КАК БИОЛОГИЧЕСКУЮ
РЕАЛЬНОСТЬ, ДАЖЕ В ТАКОМ СЛУЧАЕ ОНА
ПРОДОЛЖАЕТ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ОСТАВАТЬСЯ ДЛЯ НАС ПОСТОЯННОЙ ЗАГАДКОЙ,
ЖИЗНЬ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ НЕКУЮ ТАЙНУ,
НЕПОДВЛАСТНУЮ НАШЕМУ РАССУДКУ.

Одним из ключевых и наиболее часто встречающихся слов в православном заупокойном богослужении является слово «жизнь». Именно дарования жизни усопшему мы молитвенно просим у Бога. Нужно сказать, что это слово, в свою очередь, является и одним из самых многозначных слов в русском языке. Мы говорим: жизнь на Земле; жизнь человека; жизнь, прожитая зря; в этих словах нет жизни; живой взгляд; книга написана живым языком; животрепещущий вопрос и т. д. Наверное, невозможно в полноте объять все значения и коннотации этого слова, да и такая цель перед нами не стоит. Но несмотря на все разнообразие и различие контекстов словоупотребления, есть в нашем понимании жизни что-то такое, что при любом объяснении ускользает, остается невысказанным и неопределяемым. Даже если мы рассматриваем жизнь исключительно как биологическую реальность, даже в таком случае она продолжает в действительности оставаться для нас постоянной загадкой, жизнь содержит в себе некую тайну, неподвластную нашему рассудку. И здесь нужно признаться в том, что, несмотря на многочисленные попытки, жизнь невозможно свести лишь к совокупности физических и химических процессов, такой подход весьма ограничен. В любом живом организме есть то, что нельзя объяснить

действием этих сил, то, что составляет саму специфику жизни. Жизнь невозможно синтезировать искусственным образом. Нам известно, что можно синтезировать белок, но вне живого организма он не будет проявлять признаков жизни. Поэтому распространенное определение жизни как способа существования белковых тел, данное Фридрихом Энгельсом в «Диалектике науки»¹ и вошедшее потом во многие советские медицинские словари, должно признать недостаточным. Скажем еще раз: жизнь — это тайна, и эта ее таинственность и неповторимость в значительной степени определяют ее ценность. В особенности это относится к жизни человека. Одним из главных достижений современной цивилизации — возможно, самым главным ее достижением — является осознание человеческой жизни как непреходящей ценности. В этом, вероятно, заключается самая важная правда нашего времени. Но есть здесь и обратная сторона, о которой мы говорили в самом начале нашего разговора: еще никогда смерть не воспринималась человеком так трагично, как сейчас. Та борьба за жизнь, которую ведет современный мир, используя весь научно-технический арсенал нашей цивилизации, приводит лишь только к еще большей драматизации ситуации. Смерть становится для нас еще страшнее. Одна из причин такого положения вещей — ограниченность имеющего теперь повсеместную распространенность секулярного подхо-

¹ «Жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка».

да к пониманию феномена жизни. Не будем вдаваться в излишние подробности, лишь отметим, что одна из характерных черт такой мировоззренческой позиции — нежелание видеть в подходах к осмыслению жизни духовную составляющую. Жизнь человека здесь в первую очередь — это жизнедеятельность человеческого организма, жизнь его тела, которое понимается исключительно как биологический механизм.

Нужно сказать, что для библейской антропологии не характерно явным образом разграничивать в человеке душу и тело и тем самым подчеркивать сложность и двусоставность человеческой природы. Священное Писание рассматривает человека как целое, как совокупное единство души и тела. Для нас это означает, что человеческая жизнь, помимо внешнетелесного, имеет еще и неразрывно с ним связанное внутреннее духовно-нравственное измерение. Поэтому и наша смерть — это не просто разделение души и тела, но глубокий конфликт между поврежденной грехом человеческой природой и нашей личностью, вызванной Творцом из небытия для вечной жизни. Тело, разрушаемое смертью, — это часть самого человека, часть его собственной идентичности; теряя тело, каждый из нас теряет возможность пребывать в полноценном общении с другим человеком, со своим ближним. Мы уже неоднократно говорили, что именно сосуществование с другими делает каждого из нас человеком в подлинном смысле слова, и смерть в данном случае являет собой существенное препятствие, рождая в нас подобное разделение. Для разрешения этого конфликта мы нуждаемся в воскресении мертвых, начало которого — как и сама возможность подлинных

взаимоотношений между людьми — дано нам во Христе. Известный современный богослов митрополит Иоанн Зизиулас пишет о понимании жизни следующее: «Мир может жить, только пребывая во взаимоотношениях, в общении с Богом. Смерть — разрыв этих отношений, и, наоборот, разрыв этих отношений означает утрату жизни. Это равнозначно утверждению: смерть — как противоположность жизни — означает разрыв отношений с Богом. Поэтому везде, где прерывается общение с Богом, — смерть, а где смерть, там утрата жизни, иными словами, несуществование» («Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви»). А в Послании апостола Павла к Филиппийцам мы встречаем еще более парадоксальное высказывание: *для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1: 21).

Нужно сказать, что такое понимание бытия подтверждается и самим Евангелием, которое неоднократно говорит нам о Христе как об Источнике жизни: *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человекам* (Ин. 1: 3–4) — или даже как о самой Жизни: *я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6). И раз уж мы заговорили о Евангелии, давайте обратимся к тому отрывку, который читается в большинстве случаев на заупокойном богослужении.

Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, ког-

да мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения. Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца (Ин. 5: 24–30).

Как мы видим, слово «жизнь» в приведенном тексте наиболее часто повторяемо и является ключевым для понимания отрывка в целом. Нужно сказать, что само это слово является важным не только для данного заупокойного чтения, но и для всего богословия последнего (в том числе и по времени написания) из четырех канонических Евангелий – Евангелия от Иоанна. Апостол Иоанн в своих писаниях как бы подвел черту под всем богословием апостольского поколения, его Евангелие есть своеобразный, очень глубокий комментарий ко всему написанному до него о Христе. Жизнь, согласно Иоанну Богослову, – это то, что принадлежит Отцу и через Сына, а точнее говоря, в Сыне, дается как возможность каждому человеку, грядущему в мир. Обретение жизни есть сверхзадача для потомков Адама, осуществление предвечного замысла Бога о мире. И каждый из нас в своем земном пути делает выбор: принимает он этот Божественный замысел о мире и своем месте в нем или нет.

Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое (Втор. 30: 19).

Если человек избирает жизнь, то и пытается строить ее в согласии с тем образом бытия, который дан нам в образе Христовом, и через следование благу (добру) мы обретаем Спасителя как путь. Внутреннее же содержание этого пути есть Тот же Христос, опытно приобщаясь Которому, мы обретаем подлинную правду жизни и тем самым познаем Его как истину.

Дополнительно пролить свет на смысл, заложенный в слово «жизнь» апостолом Иоанном, помогает нам сравнительное сопоставление текстов четырех Евангелий. Мы видим, что в тех случаях, где евангелисты Матфей, Марк и Лука говорят о Царстве Божиим или Царстве Небесном, Иоанн говорит о жизни вечной. Любопытно, что первые три евангелиста мыслят пребывание в Боге как Царство, то есть в первую очередь как исполнение обетования, для Иоанна же это есть сама жизнь, жизнь подлинная, жизнь с избытком. Приведем еще некоторые яркие цитаты из четвертого Евангелия.

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него (Ин. 3: 16–17).

Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. 3: 36).

Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком (Ин. 10: 10).

Бог, по любви Своей, не мог сотворить человека, приговорив его к смерти, и первые люди, как известно, по благодати Творца были бессмертными. То есть условием их бессмертия было пребывание в Боге. Но в грехопадении своем Адам не желал никого иметь владыкой над собой, но сам возжелал быть как Бог; отрекшись от Создателя, человек попал под власть материи, то есть той стихии, над которой был призван господствовать. Смерть и тление есть лишь последствия этого порабощения. Адам утратил Бога как неиссякаемый источник энергии и стал вынужден брать жизненную силу извне, из материального мира, который не имеет «жизни в себе». Конечность земного пути стала постоянным свойством человеческой природы. Поскольку утрата человеком жизни вечной произошла благодаря его отпадению от Творца, то и обретение ее связано с восстановлением отношений с Богом, вследствие чего становится возможным и причастие Его естеству. Об этом нам говорит Господь в беседе с самарянкой:

Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот

не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4: 13–14).

Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог (Ин. 6: 27).

Через наше соучастие в Божественном бытии спасаются и наши близкие, так как Господь не разделяет любящих друг друга людей, ибо Он сам есть Любовь, об этом мы уже говорили ранее. Это, возможно, и имеет в виду апостол Павел, говоря о том, что неверующий муж спасается верой жены своей:

Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам (1 Кор. 7: 14–17).

В силу того что мы, христиане, не верим в окончательную победу смерти, то вышесказанное распростра-

няется и на период временной разлуки, связанной со смертью одного из супругов. Очевидно, что все это касается не только супружества, но и применимо к другим человеческим союзам, скажем, к отношениям матери и ее сына или дочери и вообще к любым взаимоотношениям двух людей, связанных жертвенной любовью. Тот, кто стал причастником жизни вечной, может «поделиться» ею с другим, Господь спасает человека через спасение его ближнего. Говоря иными словами, молящийся об упокоении своего ближнего должен сам искать жизни вечной.

Теперь скажем несколько слов собственно о той стороне жизни, которая самым серьезным образом может открыться нам в заупокойной молитве. Именно в молитве дается нам преодоление смерти как коммуникативного барьера: открыв для себя возможность молитвенной встречи с усопшим, мы отчасти предвосхищаем всеобщее воскресение, то единство, ту радость и ту подлинность совместного бытия, которые в полноте будут возможны в жизни будущего века. Встреча эта происходит на той молитвенной глубине, которая не дана нам со всей очевидностью в повседневности. Поэтому давайте немного поговорим о тех жизненных реалиях, которые существуют в нашем мире неочевидно.

Любому известно, что в человеческой жизни есть определенная иерархия ценностей. Притом существует следующая закономерность: чем более неочевидной кажется нам материя ценности, тем больше ее значимость. Поясним: в общечеловеческой иерархии ценностей, скажем, поэзия Пушкина занимает более высокое место, чем, например, радиовещание. Хотя, как известно, ценителей

поэзии гораздо меньше, чем радиослушателей, а вот улиц имени Пушкина гораздо больше, нежели улиц, названных в честь изобретателя радио Попова. Наша культура иерархична, так как иерархична жизнь, и иерархичен сам человек, внутри каждого из нас есть некая соподчиненность, вне которой начинается деградация нашей личности. Поэтому, чтобы нам окончательно не потерять человеческий облик, наши желания должны подчиняться нашим духовным устремлениям, для обретения большего мы жертвуем меньшим и т. д. Без этой внутренней соподчиненности низшего высшему человек теряет свою целостность и начинается его распад, который, по сути, и есть смерть. Любое человеческое общество обладает этим знанием. При этом заметим, что необходимость такого соподчинения да и сам факт существования высших ценностей для многих людей не так уж очевидны. Все то, что составляет предмет духовной жизни человека в самом широком смысле этого слова, нельзя доказать математически, положить под микроскоп, сделать объектом анализа, разложить на составляющие, раз и навсегда дав однозначный ответ на все возможные вопросы. Неочевидное обладает еще одной важной особенностью — для его постижения от нас требуется приложение многих усилий. Чтобы стать ценителем живописи, нужно иметь некоторый опыт ее созерцания, прочитать массу книг по теории изобразительного искусства, выработать безукоризненный вкус, чувство меры и т. д. Таких людей единицы, но, несмотря на это, эстетические ценности в общекультурной градации занимают более высокое место, чем реалии, связанные с нашей бытовой жизнью. Та же закономерность характерна и для мира человеческой веры. Поверить в существование стула, который стоит перед гла-

зами, гораздо легче, чем поверить в существование электромагнитной индукции. Человек зачастую ищет простых путей и предпочитает верить лишь в существование стула. Поэтому и в смерть ему поверить легче, чем в жизнь вечную, так как участниками смерти мы являемся по природе, то есть автоматически, а для того, чтобы увидеть за жизнью Жизнь, нам нужно приложить изрядные усилия, это требует напряжения всего нашего существа. Перефразируя известные стихи Пастернака, скажем, что перед каждым стоит задача побороть смерть «усильем Воскресенья»¹. Но с другой стороны, на этом пути нам дан шанс прикоснуться к тем сферам бытия, о существовании которых мы ранее лишь подозревали, но при этом интуитивно всегда искали их. В частности, результатом такого духовного прорыва может стать и то молитвенное общение с усопшим, которое гораздо выше, тоньше и ценнее нашего повседневного общения. Здесь наше обращение к Богу дает возможность встретиться с тем, кого уже нет рядом с нами, на иной глубине нашего существа, увидеть его глазами веры, частично преодолеть физические границы видимого мира. И в этом нашем усилии Господь приоткрывает пред нами горизонт вечной жизни, участниками которой мы были призваны стать от начала бытия мира.

¹ Имеется в виду следующий отрывок из стихотворения Б. Л. Пастернака «На Страстной»:

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья.

СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ НАС
ИЗБАВЛЕНИЕ НЕ ОТ САМОЙ СМЕРТИ КАК ФАКТА
НАШЕЙ БИОГРАФИИ, НО ОТ ПОРАБОЩЕНИЯ ЕЮ.

Господь Бог властен спасти нас от порабощения смерти любым путем, в Своих возможностях Бог ничем не ограничен, об этом говорит нам, среди прочего, и сама церковная традиция, именуя Его Вседержителем. Но, как известно, во Христе смерть упраздняется не Божественным декретом свыше, но сотрудничеством человека и Бога. Бог должен был стать человеком, принять полноту человеческой природы, в том числе и саму человеческую волю, для того чтобы всецело исцелить Свое творение, вырвать его из власти времени и смерти и тем самым сделать человека подлинным наследником вечности. Господь стал одним из нас, для того чтобы смирить Себя до смерти крестной, до глубин ада, до самого дна бытия.

Ибо благо угодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирил с Собой все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное (Кол. 1: 19–20).

Бог избирает путь последовательного самоумаления, благодаря чему, не нарушая нашей свободы, Он предлагает человеку разделить с Ним этот путь — путь, возводящий нас

из бездны богооставленности в полноту бытия. Если обратиться к иконографии Воскресения Христова, то мы увидим, что одним из наиболее распространенных ее сюжетов является сцена изведения Адама и Евы из ада. Это прямой образ победы над смертью, которую совершил ставший человеком Бог, для того чтобы человек в Боге смог пройти тем же путем. Христос стал первопроходцем, «первенцем из мертвых», тем, кого смерть и ад не смогли удержать. Господь прожил нашу жизнь, для того чтобы мы прожили вместе с Ним Его Жизнь, разделили с Ним Его путь, сораспялись Ему и воскресли с Ним, чтобы мы обрели заново Богом данную изначальную свободу от власти греха и тления.

Каждый человек, желающий стать членом Церкви, входит в нее через принятие Таинства Крещения посредством троекратного погружения, которое уже само по себе есть образ смерти и воскресения. Первые слова Нового Завета, которые слышит крещаемый уже в качестве члена Тела единого во Христе, это слова из Послания апостола Павла к Римлянам, читаемые во время совершения Таинства Миропомазания¹:

Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни (Рим. 6: 3–4).

¹ Таинство Миропомазания в современной практике совершается сразу после Таинства Крещения.

Это апостольское напутствие говорит нам о том, что именно сопричастность смерти Христовой есть главное условие нашего восстановления из мертвых и окончательного спасения. При этом нужно понимать, что Воскресение Христово означает для нас избавление не от самой смерти как факта нашей биографии, но от порабощения ею. Христос — это Тот, Кто предлагает принять Жизнь как дар, но ни к чему не принуждает, Тот, Кто ждет от нас взаимной жертвы любви, посылая испытания и подавая силу к преодолению невзгод. Здесь, на земле, мы призваны разделить со Христом распятие и крест, для того чтобы Он вывел нас из ограниченности нашего бытия, соделал нас «новой тварью», заново воссоздал нас для подлинной радости сопребывания с Собой. Жажда этого преобразования, согласно первоначальному миропорядку, ярким образом выражена в тропарях по непорочнах, которые поются за панихидой и при совершении обряда погребения православного христианина:

Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим.

Древле убо от не сущих создавый мя и образом Твоим Божественным почтвый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от неяже взят бых, на еже по подобию возведи древнею добротою возобразитися¹.

¹ Благословен Ты, Господи, научи меня основаниям (законам) Твоим.

Создавший меня в древности из небытия и почтивший меня образом Твоим Божественным, но за нарушение заповеди снова возвративший меня в землю, из которой я был взят, — возвысь меня сообразно Твоему подобию, чтобы мне облечься в первоначальную красоту.

Вне этого желания облечься в первоначальную красоту немыслима и подлинная любовь к ближнему, так как любовь — это то, что не принадлежит земле, она надмирна. Но райская красота, входя в этот мир, преломляется в красоту Креста Господня. Можно сказать, что образ распятого Христа присутствует в сердце каждого человека, даже ни разу не слышавшего о Нем. По образу Христа каждый из нас сотворен — этим и объясняются сама возможность зарождения любви в его сердце, поиск прекрасного, готовность к жертве самоотречения. И человеческая смерть здесь — часть пути в Небесный Иерусалим, пролегающего через Голгофу.

У каждого своя Голгофа, своя в том смысле, что у нас разные жизненные обстоятельства, и, возможно, единственное, что в конечном счете объединяет нас, — это наша смертность. А это означает, что у всех нас существует общий опыт сознательного, а по большей части интуитивного, противостояния смерти, и в этом опыте противостояния становится возможным и подлинное сострадание, и сопереживание друг другу; одной из форм этого сопереживания для нас и является заупокойная молитва. Возможно, самое страшное, что ждет нас на нашем жизненном пути, — это одиночество, предельным выражением которого становится сама смерть, ведь, как нам кажется, умираем мы все в одиночку. Единственное, что всерьез противостоит этой изоляции, — наше духовное соприсутствие сначала с умирающим, а потом, после того как смерть разделяет нас, — уже с усопшим близким человеком, когда возможность этого соприсутствия дана нам лишь в предстательстве и молитве. И поскольку Сам Христос разделяет с нами наше страдание и нашу

смерть, то и христианин призван разделить со своим близким его страдание, быть с ним в его смерти. Но смерть для верующего — это путь к воскресению, путь к всецелому преображению человечества и всего мироздания. Неотъемлемой частью этого мира для каждого из нас являются наши близкие, без которых само творение не несет в себе печати совершенства. И зачастую, как мы уже говорили, бывает так, что смерть ближнего становится отправной точкой подлинного обращения человека, даже если до этого по формальным признакам он был церковным христианином. В таком случае сама духовная сторона жизни впервые открывается ему именно в заупокойной молитве. Здесь вновь обнаруживается эта неразрывная связь между нами. Господь замыслил нас как Церковь, и мы не приходим к Нему поодиночке, наша духовная созависимость друг от друга — часть нашего существа, предвечный замысел Творца о человеке.

Господь ставит нас в такую ситуацию, в которой нам легче всего спастись, то есть осуществить себя как образ и подобие Божие, открыть для себя свое подлинное призвание. С грехопадением человек потерял способность видеть подлинный смысл вещей за канвой событий, сопровождающих нас во время земного пути, Благой Промысел скрыт от глаз, не просвещенных Духом Святым. Доверие к Богу, вне Которого в действительности нет и самой веры, обретается лишь через смирение перед неизбежным, неизбежное христианин принимает с достоинством, а на определенной духовной высоте — с благодарностью. Тот, кому опытно известно, что только во Христе есть преодоление скорби, ощутивший на себе Его Любовь, может в сердце сказать: «Слава Богу за все», ка-

кие бы с обыденной точки зрения, казалось бы, абсурдные формы эта Любовь ни принимала. Об этом и говорит нам известный заупокойный тропарь:

*Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное
всем подаваяй, Едине Содетелю, упокой, Господи, души раб
Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя
и Бога нашего¹.*

Тайна человеческой смерти получает сполна свое разрешение в тайне Великой Субботы, в свете Воскресения Христова. Если внимательно посмотреть на наше заупокойное богослужение, то мы увидим в нем отголоски воскресной службы. Среди них: семнадцатая кафизма, следующие за ней тропари по непорочнах, светлые облачения священнослужителей и т. д. Это вполне закономерно, поскольку христианину невозможно молиться об упокоении, не имея надежды на упразднение смерти. Но отметим и то, что, в свою очередь, воскресное (пасхальное) богослужение избегает специфически заупокойных тем, они здесь излишни. Там, где присутствует Воскресший Христос, уже отчасти осуществляется ожидаемое, снимаются земные противоречия, мы восходим к изначальной цельности и простоте бытия. Воскресное богослужение пронизано пасхальной радостью, оно есть образ Царства, сам символический язык священнодей-

¹ Глубиною мудрости Единый Создатель, человеколюбиво все устроивший и всем дарующий полезное, Господи, упокой души рабов Твоих, потому что они возложили свои надежды на Тебя, Творца, Промыслителя и Бога нашего.

ствий, некоторые элементы которого заимствованы из придворного этикета Византийской империи, помогает нам в этой торжественности предвосхитить полноту жизни будущего века, где нет ничего, что касается лишь тебя одного, нет индивидуальной радости, но сама радость жизни становится совместным ликованием со всем мирозданием, где Бог есть *все во всем* (1 Кор. 15: 28).

Существует еще одна черта заупокойного богослужения, о которой нужно сказать отдельно, — это молитвенное обращение к святым мученикам. Яркий пример тому — канон, который читается при совершении чина погребения, или, скажем, вот этот тропарь:

Агнца Божия проповедавшие и заклани бывше якоже агнцы, и к жизни нестареющей, святии, и присносущней преставльшеся, Того прилежно мученицы молитве, долгов разрешение нам даровати¹.

Долгое время слово «мученик», или, если более точно перевести соответствующий ему греческий термин, «свидетель», употреблялось в том смысле, в каком мы сегодня употребляем слово «святой». В эпоху гонений на раннюю Церковь святость воспринималась первыми христианами как свидетельство о Евангельской Правде своей жизнью и смертью. Готовность на смерть за Христа являлась неотъемлемым условием вхождения в Церковь,

¹ Святые мученики, проповедовавшие Агнца Божия и сами закланные, как овцы! Перейдя к жизни нестареющей и вечной, молитве Его усердно о даровании нам отпущения грехов.

что конечно же сохраняется в христианстве и поныне, но во времена открытых гонений это переживалось наиболее остро. Мученичество — это прямое подражание Христу в жертвенной любви. Церковь в заупокойном богослужении подчеркивает важность предстательства того, чьей добродетелью стала смерть. Поэтому мы просим у мучеников принять усопшего как равного в страданиях. Так как мученик — это тот, кто претерпел кончину Христа ради и обладает подлинным опытом смерти, поэтому и его молитвенное сопереживание и ходатайство имеет особый смысл. Заметим, что в определенном смысле каждый христианин является мучеником, или, вернее сказать, исповедником, то есть тем, кто претерпевает страдания за Христа, но не умирает напрямую от рук гонителей (что, в конечном счете, не имеет для нас решающего значения в почитании того или иного святого). Дело в том, что Правда Божия и правда мира сего, который, как известно, *во зле лежит* (1 Ин. 5: 19), находятся в непримиримой конфронтации, и человек, живущий согласно Евангелию, не может не ощущать на себе гнет и давление со стороны окружающей его действительности. Этот внутренний конфликт знаком каждому из нас, и разрешение его мы ищем в обновлении жизни, возможность которого дана нам в Церкви, в следовании за Христом, в верности однажды избранному пути. И если быть до конца последовательным, то, прожив жизнь со Христом, и кончину свою мы воспринимаем как смерть Христа ради. Более того, смерть ближнего своего мы так же воспринимаем, как то, что возлагается на жертвенный алтарь всеобщего воскресения. Передавая душу любимого нами человека в руки Божии, мы отрываем его от себя,

жертвуем своей земной к нему привязанностью ради надежды на его спасение. Принимая смерть ближнего как случившийся факт, примиряясь со своим внутренним сопротивлением произошедшему, мы становимся соучастниками Великой Жертвы, соглашаемся встать на тот путь преодоления смерти, который избрал для нас Господь, попирая смертью смерть.

Как любой цикл молитв заканчивается славословием Матери Божией, так и мы в заключение нашего разговора обратимся к Богородичной тематике, поскольку само обращение с просьбой об усопшем ближнем к Божией Матери играет особую роль в заупокойной молитве Церкви. Объясняется это тем, что именно Приснодева Мария в Своем личном опыте богопознания во всей полноте восприняла плоды Искупления. И этот опыт стал для Нее опытом воскресения, опытом преодоления смерти. Нам известно, что тот, кто прошел этим путем, способен и другим помочь пройти им, поэтому в Церкви отводится столь важное место молитве об усопшем, обращенной к Матери Божией. Свидетельство церковного Предания о телесном воскресении Пресвятой Богородицы, выраженное в первую очередь в богослужении праздника Успения, гласит: после смерти Приснодева Мария была похоронена апостолами в Гефсимании. Но спустя три дня апостол Фома, который не присутствовал при погребении, обрел гроб пустым, так как Приснодева воскресла подобно Тому, Кому Она дала жизнь, подобно воплотившемуся через Нее Сыну Божию. Вот замечательное поэтическое объяснение этого события, которое дает нам стихира на «Господи воззвах» Великой вечерни праздника Успения:

О дивное чудо! Источник Жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает: веселися, Гефсимание, Богородичен святой доме¹.

Подлинное понимание смысла смерти Пресвятой Богородицы, ее Успения демонстрирует нам один из главных систематизаторов православного богословия прп. Иоанн Дамаскин:

«Ибо надлежало, чтобы это богоприличное жилище, неископанный источник воды прощения, не вспаханная нива небесного хлеба, неорощенная лоза винограда бессмертия, вечнозеленая и прекрасноплодная маслина милости Отчей не была заключена в пустотах земли. Но как святое и непорочное тело Господа, которое от Нее стало воипостасным Слову, на третий день воскресло от гроба, так и Матери надлежало быть отнятой у гроба и переселиться к Сыну. И как Он Сам снисшел к Ней, так и Ей подняться в большую и совершеннейшую скинию в самое небо. Надлежало, чтобы Та, Которая странноприимствовала Бога Слова в чреве Своем, Сама поселилась в Божественных скиниях Своего Сына; и как Господь сказал, что Ему должно быть в том, что принадлежит Отцу, так и Матери надлежало пребывать в чертогах Сына, в доме Господнем, во дворах Бога нашего, ибо если в Нем жилище всех радующихся, то где же может быть причина радости? Надлежало, чтобы Сохранивший в рождестве Ее девство нерушимым, соблюл

¹ О дивное чудо! Источник Жизни во гроб полагается, и гроб становится лестницей на небо: веселись, Гефсимания, Богородицы святой дом.

и по смерти Ее тело нетленным» («Второе похвальное слово на Успение Богоматери»).

Вне всякого сомнения, сострадание Той, Которая вместила в Себя Христа, играет первостепенную роль в любом нашем молитвенном обращении к Богу, но наиболее очевидным образом мы ощущаем это, когда проживаем острую боль утраты ближнего. Мать Божия уже пережила то, что нам еще предстоит до конца пережить на той глубине, которая, возможно, недоступна нашему пониманию, и именно поэтому прошение об упокоении, обращенное ко Пресвятой Богородице, наполняет заупокойную молитву особым смыслом.

Закон веры, как известно, — это закон молитвы, но для нас не менее важно, что существует и обратная закономерность: закон молитвы — это закон веры, поэтому вне понимания смысла поминовения усопших, вне знания того вероучительного контекста, в котором это поминовение существует в Церкви, невозможна и сама полноценная молитва об упокоении христианина. Тема смерти и ее молитвенного преодоления поистине неисчерпаема. В подобного рода случаях неизбежно сталкиваешься с ограниченными возможностями человеческого языка, и вряд ли нам удалось охватить хотя бы самую малую долю тех смыслов, которые напрямую связаны с главными вопросами состоявшегося разговора. Но все же, подводя черту под нашим рассуждением, еще раз отметим эту двойкость смерти. Мы видим, с одной стороны, что смерть — следствие отпадения человека от Бога, с другой стороны, она — возможность соединения с Ним и с той полнотой человечества, которая явлена нам в образе Церкви. С одной стороны, она — траге-

дия, с другой — ограничение в распространении греха, препятствие воцарению искаженного бытия. Живший в многострадальном XX веке французский драматург и религиозный мыслитель Габриэль Марсель говорил об этой двоякости образа смерти следующим образом. Смерть есть, с одной стороны, упор, которым блокируется «поезд надежды», а с другой стороны, смерть — трамплин, отталкиваясь от которого этот поезд набирает свой разгон. В этой неоднозначности, как странно это бы ни прозвучало, нам явлена Премудрость Творца, Который непреодолимое зло способен обратить во благо. Господь имеет силу любви и глубину мудрости, достаточные для превращения жала смерти в орудие победы. От нас лишь требуется глубина доверия к Богу, чтобы принять даром то, что куплено ценою Крови Христовой, и в молитве разделить этот дар с тем, кто нам близок. Вероятно, в этом и состоит подлинная цель заупокойной молитвы Церкви. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧТО
ИЩЕ
ТЕ ЖИ
ВОГО С
МЕРТВЫМИ?

В качестве дополнения к книге мы предлагаем читательскому вниманию несколько заупокойных молитв, которые были упомянуты нами ранее. Эти молитвы взяты из различных чинопоследований православного богослужения и имеют многовековую историю бытования в Церкви. Поэтому сам их текст, с одной стороны, отражает молитвенный опыт Православия, дает возможность сопричастности этому опыту, а с другой стороны, предлагает подлинное понимание богословия заупокойного поминовения, которое в конечном итоге возводит нас к тайне Великой Субботы. К той победе над смертью, которую ради всецелого спасения человека одержал Христос, ведь, по словам прп. Максима Исповедника, «знающий тайну Креста и Гроба знает смысл вещей; посвященный в сокрытое значение Воскресения знает цель, ради которой, с самого начала, Бог сотворил всё».

Стихиры самогласны прп. Иоанна Дамаскина

Кая житейская сладость пребывает печали непричастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: едином мгновением, и вся сия смерть приемлет. Но во свете, Христе, лица Твоего, и в наслаждении Твоея красоты, его же избрал еси, упокой, яко Человеколюбец.

Увы мне, яковый подвиг имать душа, разлучающися от телесе! Увы, тогда колико слезит, и несть помилуйй ю. Ко ангелом очи возводящи, бездельно молитя; к человеком руце простирающы, не имать помогающаго. Темже, возлюбленнии мои братие, помысливше нашу краткую жизнь, преставленному упокоения от Христа просим, и душам нашим велию милость.

Вся суета человеческая, елика не пребывают по смерти: не пребывает богатство, ни шествует слава; пришедшей бо смерти, сия вся потребишася. Темже Христу Безсмертному возопиим: преставленнаго от нас упокой, идеже всех есть веселящихся жилище.

Где есть мирское пристрастие? Где есть привременных мечтание? Где есть злато и сребро? Где есть рабов множество и молва? Вся персть, вся пепел, вся сень. Но приидите возопиим Безсмертному Царю: Господи, вечных Твоих благ сподоби преставльшагося от нас, упокаяя его в нестареемся блаженстве Твоем.

Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел. И паки рассмотрюх во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник? Но упокой, Господи, с праведными раба Твоего. *[См. далее с. 120]* ♪

Перевод

Какая сладость в жизни пребудет непричастной печали? Чья слава устоит на земле непреложной? Все здесь — ничтожнее тени; все обманчивее сна; одно мгновение — и все это похищает смерть. Человеколюбче Христе, упокой сего (усопшего), которого Ты избрал, во свете лица Твоего и в наслаждении Твоею красотой.

Горе мне! Сколь тяжкий подвиг совершает душа, разлучаясь с телом! Увы, сколько слез она проливает тогда; и нет никого, кто бы смиловался над ней: к ангелам она возводит очи свои, но напрасно их умоляет; к людям простирает руки свои, и здесь нет помощника. Посему, возлюбленные братья мои, представив себе, сколь кратковременна наша жизнь, будем просить у Христа упокоения усопшему и душам нашим великой милости.

Для людей суета все то, что не остается после смерти: не остается богатство; слава не уходит (с ними в могилу). Ибо как только пришла смерть, все это исчезло. Потому помолимся Христу Бессмертному: упокой отошедшего от нас там, где всех веселящихся жилище.

Куда девалось пристрастие к миру? Где мечты о преходящем? Где золото и серебро? Где множество рабов и слава? Все это — прах, все — пепел, все — мираж. Придем же помолимся Бессмертному Царю: Господи, сподоби вечных благ Твоих отошедшего к Тебе от нас и упокой его в неувядающем Твоем блаженстве.

Вспомнил я слова пророка: «земля я и пепел»; затем заглянул я в склеп — узрел лишь кости обнаженные, и молвил следом: кто царь тут и воин, богатый и нищий, ы ы

Стихиры самогласны прп. Иоанна Дамаскина

✚ Начаток мне и состав зиждительное Твое бысть повеление: восхотев бо от невидимаго же и видимаго жива мя составить естества, от земли тело мое создал еси, дал же ми еси душу Божественным Твоим и животворящим вдохновением. Темже, Христе, раба Твоего во стране живущих и в селениях праведных упокой.

По образу Твоему и по подобию создавый в начале человека, в раи поставил еси владети Твоими тварьми; завистию же диаволею прельстився, снеди причастия, заповедей Твоих преступник быв. Темже паки в землю, от неяже взят бысть, осудил еси возвратитися, Господи, и испросити упокоение.

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! Что сие еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелением, якоже писано есть, подающего преставльшемуся упокоение.

Перевод

✎ ✎ праведник и грешник? Но упокой, Господи, с праведными раба Твоего.

Началом и устройением моим было Твое творческое повеление; ибо Ты восхотел создать меня существом из видимого и невидимого естества — тело мое создал из земли, а душу дал мне посредством Божественного Твоего и животворящего дуновения. Посему, Христе, упокой раба Твоего во стране живых и в селениях праведных.

В начале создав человека по образу Своему и подобию, Ты поставил его в раю владычествовать над твореньями Твоими. Но он, обольщенный по зависти дьявола, вкусил плод и сделался ослушником заповедей Твоих. Поэтому Ты осудил его, Господи, на то, чтобы он опять возвратился в землю, из которой был взят, — и тем испросил себе упокоение.

Плачу и рыдаю, когда размышляю о смерти и в гробах лежащую нахожу нашу красоту, созданную по образу Бога, — безобразной, бесславной, не имеющей вида. Вот чудо! Что это за таинство совершилось над нами? Как предались мы тлению? Как сочетались со смертью? Не иначе как написано — повелением Бога, подающего усопшему упокоение.

Молитва заупокойной ектеньи

Боже духов и всякия плоти, смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру Твоему даровавый, Сам, Господи, упокой души усопших рабов Твоих (*имена*), в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание. Всякое согрешение, содеянное ими словом, или делом, или помышлением, яко Благий Человеколюбец Бог прости. Яко несть человек, иже жив будет, и не согрешит: Ты бо един кроме греха, правда Твоя правда во веки, и слово Твое истина.

Яко Ты еси воскресение, и живот, и покой усопших рабов Твоих (*имена*), Христе Боже наш; и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков.

Перевод

Бог духовного мира и всякой плоти, победивший смерть, уничтоживший власть дьявола и даровавший жизнь Твоему миру, Сам, Господи, упокой души скончавшихся рабов Твоих (*имена*) в месте света, блаженства, мира, где нет никаких мук, скорбей и душевных страданий. Как Благой и Человеколюбивый Бог, прости им всякое прегрешение, сделанное ими словом, или делом, или мыслью; потому что нет человека, который бы провел земную жизнь не согрешив, — один Ты без греха; правда Твоя — правда на все времена, и слово Твое — истина.

Так как Ты, Христе Боже наш, — воскресение, жизнь и упокоение рабов Твоих (*имена*), и Тебя прославляем с Твоим Безначальным Отцом и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков.

Молитва «о иже во аде держимых» вечерни праздника Пятидесятницы

Приснотекущий, Животный и Просветительный Источниче, соприсносущная Отцу содетельная Сило, все смотрение за спасение человеческое прекрасно исполнивший, Христе Боже наш, смерти узы неразрешимыя и заклепы адовы расторгнувший, лукавых же духов множество поправый. Приведый Себе о нас непорочное заколение и Тело давый Пречистое в Жертву, всякаго греха неприкосновенное же и непроходное, и страшным сим и неисповедимым священнодействием живот нам вечный даровавый, во ад сшедый и вереи вечныя сокрушивый, и во тме сидящим восход показавый, началозлобнаго же и глубиннаго змия богомудростным льщением уловивый и веригами мрака связавый в тартаре и огни негасимом, и во тме кромешней неисчетнословною Твоею затвердивый крепостию, Великоименитая Премудросте Отчая, напастуемым Великий Помощник явивыйся и просветивый сидящая во тме и сени смертной. Ты славы присносущная Господи, и Отца Вышняго Сыне Возлюбленный, Присносущный Свете от Присносущнаго Света, Солнце правды! Услыши нас, молящихся Тебе, и упокой души рабов Твоих, прежде усопших отец и братий наших, и прочих сродник по плоти, и всех своих в вере, о нихже и память творим ныне, яко в Тебе всех держава и в руце Твоей содержиши вся концы земли. Владыко Вседержителю, Боже Отец и Господи милости, рода смертнаго же и бессмертнаго и всякаго естества человеческого Содетелю, составляемаго же и паки разрешаемаго, живота же и скончания, еже zde пребывания и еже тамо преложения, *[См. далее с. 126]* ✚

Перевод

Неиссякаемый, Животворный, Просветительный Источник, совечная Отцу творческая Сила, Христос Бог наш, Тот, Кто совершенным образом исполнил все попечение о человеческом спасении, расторгнул неразрешимые узы смерти и засовы ада и попрал множество лукавых духов. Кто привел Себя за нас на непорочное заклание и дал Тело Пречистое в Жертву, недоступное и неприступное для всякого греха, и этим страшным и неизреченным священнодействием жизнь вечную нам даровал. Кто сошел в ад, и засовы вечные сокрушил, и во тьме сидящим ступени к выходу показал, Кто в глубине сокрытого змея, имеющего в себе начало зла, одолел Божественной мудростью и оковами мрака связал в бездне адской и огне негасимом, и Своею силою могущественно заточил его в крошечной и неисповедимой тьме. Великая Премудрость Отца, сделавшийся Великим Помощником для пребывающих в напастях, просветивший сидящих во тьме и сени смертной. Ты—Господь славы вечной и Отца Всевышнего Сын Возлюбленный, Вечный Свет от Вечного Света, Солнце правды! Услышь нас, молящихся Тебе, и упокой души рабов Твоих, прежде усопших отцов и братьев наших, и прочих сродников по плоти, и всех единоверцев наших, тех, кого мы поминаем сейчас, ибо в Тебе вся сила и власть и в Своей руке Ты содержишь все концы земли. Владыка Вседержитель, Отец наш Бог и милосердный Господь, рода смертного и бессмертного и всего естества человеческого, Творец созидаемого ныне и в будущем разрешаемого, жизни и смерти, здесь пребывания и в мире ином изменения. Кто отмеряет время живым и определяет час кончины нашей, кто низводит в ад ♪ ♪

Молитва «о иже во аде держимых»
вечерни праздника Пятидесятницы

✚ лета измеряй живым и времена уставляй смерти, низводиай во ад и возводиай, связуяй в немощи и отпушаяй в силе, настоящая потребне строяй и будущая полезно управляяй, смертным жалом уязвленных воскресения надеждами веселяяй! Сам убо, Владыко всех, Боже Спасителю наш, Надежде всех концов земли и сущих в мори далече, Иже и в сей последний и великий спасительный день Пятдесятницы праздника тайну Святыя и Единосущныя, и Соприсносущныя, и Неразделимыя, и Неслиянныя Троицы показавый нам, и наитие и пришествие Святаго и Животворящаго Твоего Духа в виде огненных языков на святыя Твоя апостолы излиывый, и благовестники тех поставивый благочестивыя нашея веры, и исповедники и проповедники истиннаго богословия показавый. Иже и в сей всесовершенный и спасительный праздник, очищения убо молитвенная, о иже во аде держимых сподобивый приимати, великия же подаваяй нам надежды ослабления содержимым от содержащих я скверн, и утешению Тобою низпослатися. Услыши нас, смиренных, и Твоих раб, молящихся Ти, и упокой души рабов Твоих, прежде усопших, на месте светле, на месте злачне, на месте прохладения, отонудуже отбеже всякая болезнь, печаль и въздыхание, и учини духи их в селениих праведных, и мира и ослабления сподоби их, яко не мертвии восхвалят Тя, Господи, ниже сущии во аде исповедание дерзнут принести Тебе, но мы, живии, благословим Тя и молим, и очистительныя молитвы и жертвы приносим Тебе о душах их.

Перевод

✎ ✎ и возводит из него, связывает в немощи и отпускает в силе, созидает необходимое в настоящем и справедливо управляет будущим, Кто пораженных жалом смерти радует надеждой воскресения! Владыка всех, Бог Спаситель наш, Надежда всех концов земли и находящихся далеко в море, Ты в этот последний и великий спасительный день праздника Пятидесятницы показал нам тайну Святой и Единосущной, и Вечной, и Нераздельной, и Неслитной Троицы, и в виде огненных языков наитие и пришествие Святого и Животворящего Твоего Духа излил на святых Твоих апостолов, и поставил их благочестивыми провозвестниками нашей веры, и показал их исповедниками и проповедниками истинного богословия. Так и подобно сему, в этот совершенный и спасительный праздник сподобив нас принять молитвенное очищение о тех, кто содержится в аду, Ты даровал нам великие надежды на ниспослание утешения и освобождение плененных от удерживающей их скверны. Услышь нас, смиренных рабов Твоих, молящихся Тебе, и упокой души прежде усопших рабов Твоих в месте светлом, в месте приятном, в месте прохлады, откуда ушла всякая болезнь, печаль и воздыхание, определи души их в селения праведных, сподобь их мира и ослабления, ведь не мертвые восхвалят Тебя, Господи, и те, кто в аду, не дерзнут исповедание принести Тебе, но мы, живые, благословим Тебя, и молим, и приносим Тебе о душах их очистительные молитвы и жертвы.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Об авторе

Священник Максим Вараев — клирик храма Великомученика Георгия Победоносца в поселке Нахабино Красногорского района Московской области.

Окончил богословский факультет Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Преподает в Коломенской православной духовной семинарии.

В сфере интересов отца Максима — проблемы христианского осмысления культуры, религиозная эстетика, философия двадцатого века, русская религиозная философия, современное христианское богословие, философия языка, методологические проблемы богословия, философия музыки.

Автор ряда публикаций, выступает на радио, участвует в научных и богословских конференциях.

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство — это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла — к добру! От бессмысленности — к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в много-
сложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Приходите к нам в гости!

*Теперь наши книги по издательским ценам
в центре Москвы!*

Друзья! Теперь книги «Никеи» по издательской цене можно купить в центре Москвы. Новый магазин расположился в помещении издательства около Арбата. Вы можете приходить и выбирать книги, держать их в руках, рассматривать, можете сесть в кресло и почитать. В магазине представлен полный ассортимент книг издательства: прикладная, детская и религиозная литература.

+7 (495) 510-84-12 (магазин)

+7 (495) 600-35-10 (издательство)

Адрес: пер. Сивцев Вражек, 21, домофон 27к

График работы: пн.– чт. 10:00–18:00

пт. 10:00–17:00

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

Художественная и религиозная литература

 facebook.com/nikeabooks

 vk.com/nikeabooks

Детская и семейная литература

 facebook.com/nikeafamily

 vk.com/nikeafamily

Мы рекомендуем

В серии «Встречи с Богом» готовятся к выходу книги:

Протоиерей Геннадий Фаст

С Библией в руках по Святой Земле

Для протоиерея Геннадия Фаста Святая Земля — понятие не столько географическое, сколько духовное, которое воспринимается через Священное Писание и богослужение. Путешествуя по местам, связанным с историей человеческого Спасения, отец Геннадий не просто вспоминает соответствующие библейские сюжеты, но пропускает Священную историю через себя и делает ее живой и близкой современному человеку. Эта книга — удивительное сочетание путевода и дневника: читатель найдет здесь богатый фактический материал, поэтичные зарисовки, глубокое понимание библейского текста и опыт личного переживания Священной истории.

Протоиерей Алексей Уминский

Что я хочу от Церкви?

Как часто можно услышать слова: «Зачем мне Церковь, если я и без Нее могу молиться Богу? Зачем мне Церковь, если Евангелие я могу прочесть и сам, вне Ее стен?» Не потому ли сегодня, к сожалению, чаще можно увидеть, что человек в храм лишь время от времени забегает или заходит; и гораздо реже он — по-настоящему в Церкви живет.

А между тем храм — это не только Дом Божий, но и наш Дом. Начиная относиться к вере глубже и серьезнее, мы осознаем, что образ Церкви как «комбината по обслуживанию духовных потребностей населения» нас не устраивает.

Так что же такое Церковь и кто мы в Ней?

Об этом — книга протоиерея Алексея Уминского.

Где купить наши книги

Вы можете приобрести наши книги по издательским ценам на сайте www.nikeabooks.ru и в самом издательстве, заглянув к нам в офис по адресу: Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21.

В розницу наши книги можно купить в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Партнерские магазины «Символик»
тел.: 8-980-362-64-49, 8-980-362-67-34

«Библио-Глобус»
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, тел.: (495) 781-19-00

«ТДК Москва»
ул. Тверская, д. 8, стр. 1, тел.: (495) 629-64-83

«Сретение»
ул. Большая Лубянка, д.19, тел.: (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»
ул. Пятницкая, д. 51/14, стр.1, тел.: (495) 951-51-84

«Primus versus»
ул. Покровка, д. 27, стр. 1, тел.: (495) 223-58-20

Сеть книжных магазинов «Новый книжный»,
тел.: 8-800-444-8-444

«Московский Дом Книги», тел.: (495) 789-35-91

Санкт-Петербург

Партнерский магазин «Символик»
ул. Камская, д. 9,
тел.: (812) 982-68-26, +7 905 222-68-26

«Слово»
ул. Малая Конюшенная, д. 9, тел.: (812) 571-20-75

Сеть книжных магазинов «Буквоед»,
тел.: (812) 601-0-601

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»,
тел.: (343) 253-50-10

Киев

Партнерский магазин «Символик»
Площадь Славы, ТЦ «Навигатор», пав. 38,s
тел.: (096) 320-36-78

Сергиев Посад

Партнерский магазин «Символик»
ул. 1-й Ударной Армии, д. 4 А, тел.: +7 968 832-00-67

Интернет-магазины:

Россия

«Лабиринт»	www.labyrinth.ru
«Озон»	www.ozon.ru
«Сретение»	www.sretenie.com
«Зерна»	www.zyorna.ru
«Благочестие»	www.blagochestie.ru
«Риза»	www.zlatoriza.ru

Украина

«Quo vadis»	www.quo-vadis.com.ua
-------------	--

Наши электронные книги:

www.litres.ru
www.ozon.ru
www.wexler.ru

Для покупки книг оптом необходимо обратиться в отдел
продаж издательства «Никея»:

Тел.: (495) 600-35-10;

www.knigosvod.ru, sales@nikeabooks.ru

УДК 242
ББК 86.372
В 18

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-219-1658*

Вараев Максим, священник

В 18 Смерть и Воскресение. Семь слов о заупокойной молитве. — М.: Никея, 2014. — 144 с.: илл. — («Встречи с Богом»).

ISBN 978-5-91761-245-4

Для христианина страдания и горе, неизбежные спутники смерти, сочетаются с верой в вечную жизнь и воскресение. Этот мотив явственно звучит в молитвах об усопших — одном из самых поэтичных богослужебных последований Православной Церкви.

В своей книге священник Максим Вараев выходит далеко за пределы разбора этих глубоких и возвышенных текстов. Через них он раскрывает богословие смерти и христианское учение о вечной жизни. Автор пользуется замечательными примерами, которые будут близки и понятны даже далекому от Церкви человеку.

В приложении приводятся тексты заупокойных молитв с параллельным переводом на русский язык.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-245-4

© Издательство «Никея», 2014

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС 13-219-1658*

Научно-популярное издание

Вараев Максим, священник

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Семь слов о заупокойной молитве

Редактор *Татьяна Стрыгина*
Корректоры *Мария Нефёдова, Марина Смирнова*
Дизайнер *Анастасия Новик*
Дизайн серии *Петра Банкова*
Каллиграфия *Алексея Чекаля*

Подписано в печать 10.09.2013.

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 9.

Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство «Никея»

119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (499) 241-97-45; edit@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

www.knigosvod.ru

Адреса розничных магазинов

вы найдете на последних страницах книги.

ISBN 978-5-91761-245-4